

дизанишка, крепкий зубовой стол—рот и нос. Дизанишка, пойма мой блудящий взгляд по кабинету, улыбнулся в темно-бурой, складистой бороде:

— Живем пока бедновато,—и пояснил—это помещене служат и кабинетом и жипплощадью.

Директор был небольшого роста, но криксивый, голубоглазый, с большой черной родинкой на левой щеке. Сидит он был просто, и своей одежкой нисколько не отличался от рабочих. По профессии он был слесарь, но этим делом уже не занимался несколько лет: оторвала царская война, потом гражданская, потом партийная работа, а вот сейчас советская. Инженер тоже ничем не отличался от директора: он был также просто одет, как и директор, даме с лица, несмотря на молодые годы и на то, что не имел бороды, усов и родинки на левой щеке, был похож на директора, в особенности глазами. Одним словом, эти два человека дополняли друг друга, составляли собой отгороженное одно целое, и это одно целое в этом заколудном уголке двигало вперед дело социализма...

Инженер, сидя рядом на диване с народным комиссаром и с членами бюро ячейки, немного хриповатым голосом рассказывал о работе станции, о ее мощности, о том влиятельном, которое она оказывает на крестьянское население, в особенности на то, что не попало в орбиту нашей станции. Потом инженер поднял голубые глаза, обратился к директору и предложил, чтобы унина посмотреть станцию.

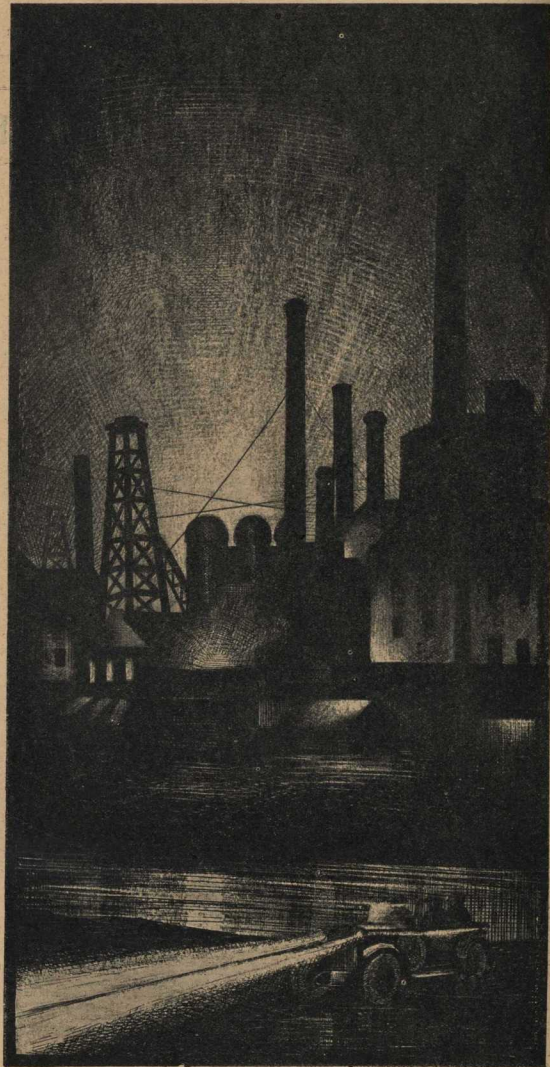
— Бери,—согласился директор,—по ночам наше «лите» живет и радуется больше, чем днем.

Мы все шумно поднялись, выправились из кабинета и двинулись к станции. Итти было несладко. Дорога освещалась крупными электрическими лунами, разбросанными по пространству станции. Вся эта площадь земли от работы турбин, машин, от тяжелого падения воды загрохотала, трепетала, как туго натянутая струна, под нашими ногами. В коридорах станции было позитивно светло, всюду была необычайная чистота, порядок. Черные, отливающие лаком и мелкими щетками динамо-машины лежали тяжело, неподвижно рядами на полу. Глядя на эти машины, которые были похожи на огромных толпелен, создавалось такое впечатление, что эти черные чудовища, вырабатывающие электрическую кровь, лежат трутнями на полу, никакой пользы не приносят станции. Впрочем, такое впечатление только на первый взгляд: эти спокойно лежащие на полу огромные толпелены живут глубокой внутренней жизнью и, гуляя тихим предельным шуршом, вырабатывают красно-золотистую кровь, гонят ее по толстым черным проводам к приемникам-доскам, потом от этих досок в далекие пространства, разбросанные в асинхронной игле. Из этого отделения мы прошли в машинное, где огромный ряд двигателей, принимающих первобытную глубокую силу от турбин, производил черную работу, выверяя силу, размеренно, с математической точностью, гнал эту силу в дальнейшие отделения станции, приводил ее в туповое движение. Этот ряд гигантов двигателей, чудовищно размашистая блестящими маховиками, желтыми ремнями, с легкостью пуха одуванчика работал всеми своими мускулами, стараясь оторваться от бетонного пола, подняться к потолку и вывертаться в широкие окна. Возле каждого двигателя прохаживался рабочий, чутко прислушиваясь к его пульсу, то и дело ошупывал его главные нервы, то и дело насыпал его жанду из довольно крупной манекни...

Народный комиссар был все время в компании директора, инженера и членов бюро ячейки. Они громко разговаривали, обсуждали, говорили о недостатках, о чем-то просили. Народный комиссар что-то возвращал, что-то записывал в ладную книжку, но что, я хорошо не знаю, так как меня все их разговоры очень мало интересовали, меня интересовала, радовала вот эта станция, которая небольшой кусок рабоче-крестьянской страны толкнула в будущее, ближе и социалистической культуре... Но, выйдя из коридора, я оторвался от края станции, так как меня так же отлучил падающий поток воды; я стремительно бросился вперед, впился в компанию, которая, окружив народного комиссара, стояла на бетонном берегу реки, устремленной в турбинные желоба. Я был ошарашан стремительно бегущим потоком реки, а еще больше ее мутно-желтым тяжелым падением с необычайно высокой пропасти, ее ревом и шумом в бешено вертящихся крыльях гигантских турбин, а еще больше ее широким неистовым бегом, как молоко, выпавшим из турбинного отделения, разлившем в туго ревушем бегом в старое русло реки; из которого бешелою вывел ее в сторону человек и заставил слушать ему... Потом, наладившись красотой ладного водопада, мы справились в кабинет директора. Я не знаю, какое было настроение у на-

родного комиссара, но у меня было потрясающее: я глубоко убедился, что в недалком будущем отсталая в культурном отношении страна превратится в одну из передовых стран строящегося социализма. Я еще больше был глубоко убежден,

когда за ужином директор и члены бюро ячейки, рабочие этой станции, бывшие на ужине, и наконец высказали народному комиссару не только свое настроение, но и настроение всех рабочих станции. Они ему откровенно сказали:

...Мы были около высоких, мощно освещенных корпусов...

— Мы живем бедно, в казармах, в странной темоте, но мы твердо убеждены, что мы являемся хозяевами. У каждого рабочего имеется железная воля подорвать производство на такую высоту, на которую она никогда не стояла. Мы хотим, чтобы наша страна покрывалась новыми заводами, не зависящими бы от капиталистических стран, а чтобы мы сами могли производить станки, машины для оборудования новых заводов и фабрик. Мы хотим, чтобы наша страна от Владивостока и до берегов Черного моря была залита потоками электричества, как вот этот наш маленький, не большой завод, из которого мы хотим, чтобы вся наша молодежь, которая находится в высших учебных школах, вернулась в нашу семью с полным содержанием долга перед рабочим классом, с глубоким багажом знания и новой культуры. Мы хотим, чтобы на нашей молодежи вышли крупные ученые — норме Ленины, Павловы, Мечниковы, Нютны.

Потом они указали, что наша молодежь не любит, не хочет заниматься серьезно техникой, медициной, педагогией, химией... Наша молодежь хочет быть говорунками-общественницами... Наша молодежь боится лабораторий, клиник, школ туржым, каторги... А ее мало тогда, как раз в эти лаборатории, клиники и т. п.

Народный комиссар подробно ответил им и указал, что партия как раз проводит это и жидет от молодежи, посланной учиться, того же самого, что жидут и рабочие. Он уверенно сказал, что молодежь придет на вузов с глубокими знаниями, что она волеется в жизнь, будет вместе с рабочими строить дружескую культуру, социалистическую. Беседа народного комиссара с рабочими закончилась на рассвете.

Отдохнуть пришлось не больше четырех часов. Когда мы проснулись, оделись и вышли на улицу, ярко-красное солнце уже было довольно высоко и купалось в неистом потоке красок, окрашивая его во все цвета радуги. Около машин сидели директор, инженер и большая толпа рабочих. Они дружно и радостно встретили народного комиссара.

Мы долго ехали молча, шурша от освещенного-яркого, горячего солнца и едва заметного ветра.

Трактор, — проговорил народный комиссар.
И действительно, недалеко от дороги, тяжело пытая, двигался желтый ком, пышно сокол, отдувался бело-зеленоватым дымом. От его измеха мягко отваливалась земля и легкими черными хлопьями откатывалась от него. Над желтым движущимся конем спокойно кружились

белоснежные грачи. Над полем было глубокое светло-синее небо, в нем не было ни одного облачка—ночные грозовые облака куда-то ушли, так что от них не осталось даже перистого следа. Одно только ярко-красное, сверкающее всеми цветами в глазах, большое солнце спокойно, величественно катилось по необорному прозрачному пространству все выше и выше, изакая все большее зноем пространство воздуха и землю. Машина стремительно и бесшумно врывается в светло-синий воздух, бурлит с легким свистом его, летит все дальше и дальше. Я вижу, как вертится от движения машины светло-зеленый, наполненный неукротимым крутящим моментом, как зювет омерзается новым окрестом, и так без конца, точно наша машина летит позади себя гигантские светозеленые, ярко-цветные, похожие на дымящиеся шали палевые кольца и оставляет позади себя. Я вижу, как в этих кольцах, выбгостоящих из-под толстых колес и пролазавших так быстро в синеве, в зелени паляющего горизонта, бурно кипит человеческая жизнь, создавая новую культуру.

Глядя на эти убогие кольца, я снова ушел в грядущее, которое неумеримо и нависнуло на нас, влечет упорно в свои очаровательные глубины, и совершенно позабыл народного комиссара, что сидел со мною рядом и, склонив голову на грудь, дремал. Я видел отчетливо своими глазами будущее.

— Этим, обратился ко мне народный комиссар, и этими коротким словом вернул меня в реальное состояние.

13 августа на двух морских шлюпах-шестерках вышла а поход Москва—Вакую команда будущих моряков. На снимке—МОМЕНТ УСТАНОВКИ МАЧ

— Хорошо едем,—как бы проспыная, ответил я и встретился с горячими глазами народного комиссара.

— А я немножко вздремнул.

— Вдременули?

— А ты знаешь, Завалишин, я вот пять минут тому назад дремал и оковы дремоты приятно чувствовал, что наша машина, расосная теплой летний день и стараясь обогнать солнце, бешено врывается в будущее. И представь, Завалишин, чем она дальше, чем она глубже врывается в будущее, тем дорога становится все лучше и лучше. Да и солнце горячее.

— Я с любопытством посмотрел на народного комиссара и несколько подумал: не смеется ли он надо мной, ибо я, пока он дремал, действительно, и наяву уносился в грядущее, прожизываясь по улицам города, по его изумительным садам, любовался спокойными толпами народа, которые резко отличались от нашего современного общества. Я только было хотел обратиться к нему и сообщить, что я тоже мечтал в будущее, как он обратился ко мне и громко проговорил:

— Но проклятая чертовщина всю поездку испортила.

Я насторожился.
Он поднял бранно-землисто лицо, обросшее мягкой бородой, посеревевшей по бокам, в особенности под подбородком, с сильно обострившимся носом, взглянул на меня светлыми горячими глазами, потом чуть-чуть улыбнулся.

— Чертовщина—повторил он,—мы ее в своей повседневной работе на каждом шагу ведем и всюду встречаем. Эта чертовщина отнимает у нас время, мешает строительству. Эта чертовщина иногда обретается в нашем брате-партийце, в бывателе...

Его слова начинали меня озадачивать, и я никак не мог разгадать их смысл: к чему и зачем все это?

Вдруг он неожиданно сказал:

— Все, Завалишин, испортила тоголевская тройка. Представь себе: ты бешено врешься в грядущее, а навстречу тебе мчится дикая тройка, позвякивая колокольчиками, и кричит и машет на тебя серифаносным широко открытым ртом, синими глазами, руками, шестыми вожаками, всей своей шестной совокупностью: «срвачивай! тебе, представь, сверкают некуда, так как ле бока глубокого ризма, и ты врешься все дальше и дальше, а тоголевская тройка с шестым Селифаном все ближе к тебе навстречу и глядит на тебя не глазами Селифана, не глазами Чичикова, Машилова, Собакевича, Хлестакова, а прет на тебя, позирившись, другими глазами, другими красными глазами, глазами трех современников... Калощ, Сметан, Симфоний, Дороеф Пелатов... Эти тройки появляются и наяву, а в повседневной нашей работе, мешают строить социализм, мешают работать, расхищают, расстрачивают народное состояние.

Мы незаметно поехали к городу. Его золотые купола, красовались башни, нагроможденные Византизм и мрачный гений Готического, разноцветные крыши ярко переливались на солнце. Фабрично-заводской дым казался под теплым, необоримо голубым небом серебряными облаками. Эти облака дыма быстро таяли в синеве.

Мимо нас плывало прочмался открытый автомобиль, взглянул на нас жирными морщинами, букетами цветов, огромными шляпами, ярко-красными красными шарфами, разярко-красными шалями на ветру.

Народный комиссар сказал:

— Это томе тройка, хотя и не тоголевская,—современная, но она на нашем пути.

— Я не ответил: думал о Кузнецком Мосте, о толпах людей, которые правдо шатаются по тротуарам.

Улицы, вставая быстро двигались на нас.

Мы видели, как шевелились вся Москва и, медленно поворачиваясь доками, толпами народа, двигались всей своей разношерстной кутермой на наш автомобиль.

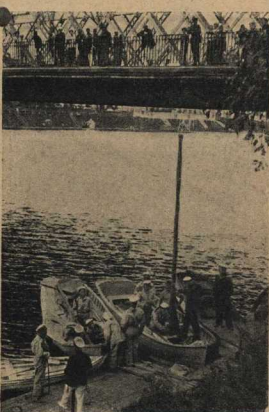
Мы глубоко чувствовали, что он гурно, непоколебимо врывается в грядущее...

Мы видели, как из-под шинящих и тяжелых его колес шаркались Сметаны, Калощи, Симфонии, Дороефы Пелатовны в разные стороны!

Грядущее все ближе... ближе... Я быстро повернулся на другой бок, лицом к двери.

В комнате было секо от утра. В дверь усильно стучали.

— Войдите,—крикнула я.

ШЛУПКИ НА МОСКВА РЕКЕ. Десят комсомольцев-допризывников под руководством опытных моряков пройдут 4.000 километров

ВКЛАЧИВАЮТ ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ. На ша молодежь должна подготовиться для флота призываемые, закаленные кадры

НА ПРАЗДНИКЕ СПОРТА

С 20 августа до конца месяца в Москве происходил 3-й советский праздник физкультуры.

Сигнал к празднику подали ракеты и прожектора карнавала, организованного на Москва-реке вечером 19 августа. Оркестры, иллюминации и

К началу спортивного праздника закончился большой мото-велосипедный звездный пробег. На снимке бородавские велосипедисты на финише

лодки, скользят под размеренные движения гребцов...

20 августа многочисленные колонны московских физкультурников заполняли Красную площадь.

Чехо-словацкие спортсмены на параде физкультурников в Москве

Мячи, колья, диски, беговые дорожки, шесты, палки, лодки... — испытывали участники, их силу, ловкость, упорство, выдержку.

В результате состязаний установлен целый ряд новых, блестящих рекордов. Хорошо себя показали многие провинциальные спортсмены. Этот факт свидетельствует о росте и укреплении спортивных организаций по всей периферии Союза.

Команда Латвийских спортсменов на Красной площади

На параде физкультуры в Москве — колонна физкультурниц

Они явились на парад приветствовать сехавшихся гостей. Парад вылился в мощную демонстрацию молодости и бронзовой красоты.

Свыше шестисот легкоатлетов сехавшихся со всех концов Союза оспаривать первенство по всем видам спорта — спортсмены Сибири, Казахстана, Северного Кавказа, Селера и т. г.

На 3-й праздник proletарского спорта прислали свои команды и рабочие иностранных государств. Были чехо-словаки, спортсмены Латвии, Германии и Финляндии.

Изо дня в день московские стадионы делили между собою участники, группирова их по видам спорта.

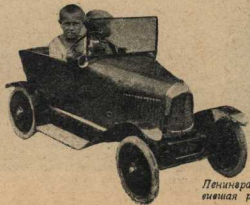

ВВЕРХУ и СПЕВА — Комсомолка Кузнецова, установившая рекорд в беге на 800 м. ее время — 2 м. 24,5 сек.
ВНИЗУ СПЕВА — Александрова и Телякова, вышедшие в парное женское первенство по теннису

ВНИЗУ — Московский рабочий Е. Громов, установивший новый рекорд в беге на 400 м. его время — 51,1 сек.

ВНИЗУ. Самый маленький спортсмен на параде физкультурников

Ленинградская работница Янушкоская, установившая рекорд по прыжкам в высоту с разбега — 1,48 м.

СЛЕВА: Д. И. Лухманов. Под его командой «Товарищ» прошел от Мурманска до Арктики.

ВВЕРХУ: «Товарищ» под парусами СПРАВА: На высоте в 25 саженей над водой — матрос на верхушке мачты

ВЫ БЫЛИ В АРГЕНТИНЕ?

Д. И. ЛУХМАНОВ

20 апреля «Товарищ» вышел из далекого Буэнос-Айреса домой — в родной Ленинград. Имя в газетах появилось извещение экипажа «Товарища», посланное по радио из южного Атлантического океана...

25 мая новое радио известие о переходе «Товарища» визатора в полготе 2742' к западу от Гринвича.

С тех пор о «Товарище» толго не было ничего известно. Как оказалось, капитан Фрейман послал 18 июня радио в Цумор и в северную контору Советгруппа, когда проходил Азорские острова, но эта радиграмма не была опубликована в газетах.

Мой телефон все чаще и чаще начал звонить. Ко мне, как к старому моряку и бывшему капитану «Товарища», обращались за справками родственники и друзья члена экипажа корабля.

С конца мая в их вопросах начала чувствоваться нештучная тревога.

— Где же «Товарищ»? Ведь у него есть радио? Отчего он не дает о себе знать? Что вы думаете об его положении? Вы читали в газетах, какой ураган пронесся над Нью-Йорком? Над Гамбургом? Над Крымом?

Я успокаивал всех, как только мог. Но в конюхонных тревогах начала зарождалась и у меня. Я послал телеграмму в Аרקос в Лондон с просьбой уведомить о местонахождении «Товарища». Ответ получился в тот же день: «Повинна неизвестна радио ответа нет».

Я конечно знал, что это еще ничего не доказывает. Что такое радио-антенна на большом парусном корабле? Паутина на тонких проволоках, укрепленная на верхушках брамстенгов на высоте 25 сажен над водой. В шторм корабль может легко потерять не только антенну, но и самые брамстенги со всеми верхними реями и такелажем, не то такой поломки по гибели корабля еще далеко.

Однако на душе у меня было тяжело. Неужели «Товарищ» погиб в океане? А вместе с ним погиб и 83 товарища? Товарищи, лица которых до сих пор стоят у меня перед глазами, а голоса несут в ушах?.. Неужели погибли молодые зрелые работники, полные сил, энергии, жажды жизни и жажды знаний — молодая красная гвардия нашего торгового флота?.. Неужели капитан Фрейман, мой бывший старший помощник, прекрасный моряк, спокойный, рассудительный человек, а зорковыми, крепкими нервами, сделала какую-нибудь грубую ошибку, погубившую корабль?.. Нет, это невозможно..

Я гнал от себя эти мысли, обещая молчание «Товарища» недоразумением или ситуацией, и старался успокоить всех, кто обращался ко мне за справками о корабле.

Я послал в Аרקос вторую телеграмму с просьбой уведомить меня, как только получится какое-нибудь известие о «Товарище». В ответ я получил письмо, в котором Аרקос уведомил меня, что он имеет основания беспокоиться за судьбу «Това-

рища», так как на 4 радио, посланные из 4 различных пунктов берегов Атлантического океана, ответа не получено.

Весь июль прошел в неизвестности о «судьбе «Товарища».

Вдруг 4 июля я получил телеграмму на Аרקос: «Товарищ» проехал Ленингт».

Я испытал то чувство, которое пережил когда-то, в дни моей молодости, на маленькой парусной шхуне, попавшей в ураган. Шесть дней нас заливали волнами. Шесть дней мы могли нести ни одного паруса. Шесть дней мы готовились к смерти. Однако, мы стали, ели, разговаривали. Но что-то тяжелое, тоскливое, душное было в нашем подзвонии. И только на седьмую ночь, когда веселый голос захотного крикнул в двери кубрика: «Пойдем все наверх паруса ставить!», — мы выскочили на палубу, увидели дуку, протянувшую между разорвавшимися тучами, услышали мягкий шлепистый шум ветра вместо того ужасного рева, который стоял день и ночь в наших ушах и почувствовали, что это тяжело, тоскливое, душное исчезло, рассеялось, улетучилось..

Я не знал, в каком порту остановился «Товарищ». Очевидно, не знал этого и Аרקос, не знал и сам капитан Фрейман. Не было сомнения, что «Товарищ» получил хороший попутный ветер и спешит им воспользоваться, чтобы проскочить трудный и опасный для парусных кораблей Английский канал. Несомненно было и то, что кораблю необходимо было зайти в один из иностранных попутных портов для пополнения запасов пресной воды, провизии и одежды. Но куда он зайдет? Докуда донесет его попутный западный ветер?

6 июля пришла телеграмма на Дувра, маленького английского порта при выходе на Палекаль: «Надеемся скорое свидание все товарищи приветствуют. Фрейман».

Итак, «Товарищу» для того, чтобы качнуться свое исключительное плавание, оставалось сделать всего 1350 миль... Я говорю «всего», потому что 1350 миль являлись действительным пунктиком после перехода Мурманск—Розарио. Розарио—Дувр.

Через несколько дней я получил целую пачку писем от комсостава и учеников с «Товарища». По этим письмам и по запискам, которые я вел за первую половину плавания, можно было установить этапы плавания корабля.

«Товарищ» вышел на Мурманск 29 июня 1926 года. Пришел в Саутгемтон в Англия 1 августа. Провел необходимый ремонт, вышел на Саутгемтон 16 сентября. Пришел в порт Фунчала на острове Мадера 8 октября. 8 октября снялся из Фунчала. 15 октября пересек тропик Рака. 16 ноября—экватор, 8 декабря—тропик Козерога. 25 декабря корабль прибыл в Монтевидео, столицу республики Уругвай. 30 декабря вышел из Монтевидео в порт Розарио в Аргентине и прибыл туда 5 января 1927 года.

После выгрузки в Розарио «Товарищ» перешел в столицу Аргентины Буэнос-Айрес для погрузки хлебагого перера на Ленинград.

20 апреля снялся из Буэнос-Айреса. 16 мая пересек тропик Козерога и сразу получил свежий попутный ветер, не оставивший его до самых берегов Европы. Через 9 дней после тропика Козерога, 25 мая, «Товарищ» уже перешел через экватор совершенно не почувствовав на этот раз страшной для парусных кораблей штилевой погоды. 3 июня он перешел через тропик Рака и 4 июля влетел с крепким попутным ветром в Английский канал. На другой день ветер начал постепенно стихать. Утром 6 июля, едва выйдя под обесценившими, повисшими складками парусами, «Товарищ» добрался до выхода из канала и отдал якорь на Дуврском рейде, сделав 24 000 морских миль без единой серьезной аварии.

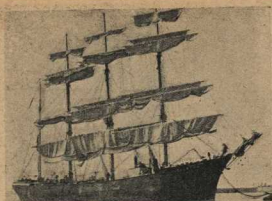
«Товарищ» не только первый советский, но первый русский парусный торговый корабль, сделавший такое плавание.

Наши военные парусники старое времени хаманали из Кронштадта на Дальний Восток и делали даже кругосветные путешествия, но торговых парусных кораблей дальнего плавания у нас никогда не было.

«Товарищ» сделал большое, сложное и полезное дело. Он практически подготовил для возрождения торгового флота Республики и начал в нем участие в испытаниях, заключенных в борьбе с океаном, привычки ко всяким опасностям и всяким климатам красных судоводителей. Он подготовил блестящий комсостав для наших будущих учебных судов, без которых невозможно подготовить необходимых нам красных морских командиров. Он установил тесную братскую связь между тружениками Республики Советов и трудящимися далеких южно-американских стран. Не легко удалось это четырнадцатилетнему плавание его экипажу. Условия жизни на парусном корабле без современного оборудования невыносимо тяжелы. Не надо забывать, что на «Товарище» нет ни парового отопления, для холодных погод, ни вентиляции для смраченного тропического духота и жары. Нет рефрижератора (холодильника), электрического освещения. Нет не только бани, но даже ванн или душей для купанья команды. Нет опреснителя...

— Вы были в Аргентине? Расскажете, что должно быть интересно!—говорят наши посетители.

— Да, мы были в Аргентине. Мы работали при 36° по Реомюру в тени. Мы спали теплую волю на корабельных шестерах. Мы спали на палубе, где нас бужали набедами москиты, так как в тропических без вентиляции и с раскаляющимися неросными лампами спать было невозможно. Инога после работ мы сменяли на берег, мы ходили по великолепным улицам среди развращенной веселой толпы, мы смотрели в залитые электричеством стекла сменяемых витрин, за которыми были

«Товарищ» на рейде в Дуэре убирает паруса

выставлены изящнейшие и драгоценнейшие вещи, мы проходили мимо ресторанов, в которых гремела музыка, мы глядели на мчащиеся мимо нас сотни автомобилей, мы любовались на красивых женщин и решали сложнейшие математические задачи на тему о том, как можно ухитриться купить в богатейшем южно-американском городе, где нет ни одного магазинчика, торгующего предметами скромного матросского обихода, пару рабочих штанов или башмаков на те несколько пезо (рубля), которые уныло вазили в карманах наших форменных полотняных брюк.

Но довольно по этой! Мы морщины, и вышла из порта в море, мы скоро забываем и береговые удовольствия, и береговые огорчения.

А вот картины ярко-синего, заливающего ласковым солнцем океана, черного бархатного, сверкающего чужими созвездиями неба, картин страшных ночных гроз, когда воздух до того насыщен электричеством, что проволочные снасти корабля начинают сыпать снопы искр, а озверевшие волны с ревом несутся на корабль, алобо сверкая зеленым фосфором пены — никогда не выглагольваются на нашей памяти. Они вечно таят нас в безвестные дали, таят до тех пор, пока нас не защуют в старую парусину с тяжелой чугуиной балластной на кошке, не положат на доску и не спустят при хоршем размахе корабля под ветер из открытого полушарика в море, которому мы беззаветно отдали все, что имели, до жизни включительно...

Вернемся к «Товарищу».

14 июля он вышел из Дуэра. Попутный ветер неизменно гнал его на восток.

26 июля он уже прошел все Немское море, Скагерак, Категат, Зунд и вошел в Балтику.

Ленинград захватили. Решено было устроить «Товарищу» торжественную встречу. Мне было поручено следить за его плаванием и во-время предупредить мешающие его чествовать организации.

Начиная со 2 августа я стал ежедневно получать радиограммы с «Товарища» с указанием его полуденной точки.

Все шло хорошо до входа в Финский залив.

Океан разъяряется. Волна ехалась на палубу

5 августа под островом Нарген, против входа в Ревельскую бухту, западный ветер стих, и задул легкий противный нордост. «Товарищ» начал бесплодно лавировать между островами Нарген и Реншер. За 5, 6, 7 и 8 августа корабль не продвинулся вперед ни на одну милю. 9-го прошел на юг от Зигольма, 10-го доплыл до Сомерса.

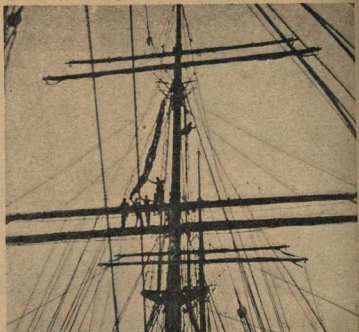
В ночь с 11 на 12 августа его погнал шедший из Лондона в Ленинград пароход «Тришан» и взял на буксир до Кронштадта.

Из Ленинграда были посланы в Кронштадт два буксирных парохода: один должен был тащить «Товарища» по узкому морскому каналу, другой помогать разворачиваться в тесных местах.

Прибытие «Товарища» в Ленинградский порт в 4-й порт омызалось в 10—11 часов вечера, официальная встреча назначена на другой день в 11 ч. утра.

Часов в 6 вечера мне позвонил по телефону т. Б., капитан одного из портовых катеров:

— Хотите выйти со мной в море навстречу «Товарищу»?

После шторма. Спускают вниз створы разорванных брамсея

В северных сумерках еще хорошо видны все детали.

Борта унизаны знакомыми фигурами и головами соплавателей... По юту двигается везд и вперед торжественная фигура капитана Фреймана...

Наш катер делает поворот, режет корму «Товарища», уменьшает ход и идет вдоль его правого борта на расстоянии нескольких саженей.

— Подходите к борту! Дмитрий Афанасьевич, милости просим на судно! — несется с «Товарища».

— С удовольствием! А как пограна, таможня?

— Вам можно, но уже спрашивали.

— Есть!

Катер перекладывает руль, приближается к борту «Товарища», с которого висит шпир-трап (веревочная лестница), я быстро вскарабкаю на палубу и попадаю в толпу учеников и коньяки...

Объята горячие рукопожатия, отрывочные восклицания.

Меня перерываю, как футбольный мяч... Наконец, я добрыюсь до юта и взорвуюсь с коммованиям...

Опять об'ятия, отрывочные вопросы, недоконченные ответы...

Да, много-много было пережито вместе. Полярные штормы, гниль, рухнувшие при каждом серьезном налете ветра паруса и снасти. Борьба с начальством за ремонт в Англии. Тихий ласковый север-восточный пассат. Ловля акул и дораз Штлевая полоса с сумасшедшими грозами, ливнями и бешеными шквалами. Шторма Атлантики. Буксировка через мели в Лапланде. Теплая итепья вода. Вечная солонина. Консервы, галеты. Нестерпимая жара. Москиты. Налетающие памперы... да разве все перечтены!

— Ну, смотрите, Дмитрий Афанасьевич, — сказал мне старпом К. Ф. Савино, — как вы довольны кораблем? Как вошли последние тамы сенья? Я отступил кругом: на белой краске бортов, рубок и шлюзов из одного пяталика. Старая палуба оттерта песком и камнем и по чистоте не

«Товарищ» в Роворо. Постепенно ждуть разрешение войти на палубу

— Конечно хочу! Где ваш катер? Как на него попасть?

Августовское солнце медленно скользит к горизонту.

Моторный катер пенит буроватую воду морского канала и летит навстречу захождению солнца.

Брешемому небу пребрегают тучки и моросит дождь.

Прохладно.

«Товарища» еще не видят.

Начинает темнеть...

Вдруг из-за одного из поворотов канала ясно высрисовывается на лилово-багровом горизонте знакомые высокие мачты с длинными реями и густая паутина снастей.

Впереди дымят оба буксира. Грудни их белыми тапятами большой нагруженный корабль.

Ближе и ближе «Товарищ»... Мои глаза, не отрываясь, вглядываются в его пантоу, контуры его корпуса...

В Арвинтине. Очередь желающих попасть на парусник

В Арвинтине. Очередь желающих попасть на парусник

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ РЕЙС

(Из рассказов команды)
М. РОЗЕНФЕЛЬД

Палуба «Товарищ» переполнена восторженными зрителями. С тех пор, как парусник вошел в Ленинградский порт и стал у «мелесовой стены», нет покоя команде—судно переполнено паромом, приходит экскурсия, раздаются бесчисленные вопросы, и тогда молодые моряки рассказывают о том, как они жили в Аргентине. Слушатели замирают, слушая необычайные, полные изумительных моментов сведения о 14-ти океанских месяцах.

... Далеко Буэнос-Айрес, Розарио, Монтевидео, далеко Дувр... Сейчас команду «Товарища» по вечерам можно видеть гуляющей по ленинградским улицам, а ведь так недавно...

— Все наверх!

Лишь только раздавался призыв капитана, в секунду палуба заполнялась командой. Тревога не всегда была явной. Парусник жил океанские волны, трепали вихри штормов, с молниеносной быстротой разматывались или сгора-

живались паруса; все делалось с необыкновенной точностью, лишь только гремело!

— Все наверх!

Но были и спокойные дни. «Товарищи», покачиваясь, прорезали синий океан, тогда вахта сменяла вахту, ученики стояли у руля, несли службу дневальные. Ваховый, не отрываясь от горизонта, высматривал, не идет ли навстречу парокход, а свободные от работы говорили о далекой родине. В кюветы читались книги, вывешенные на Ленинград. Собрание пострепан океана слушало доклад. В свободное время, знающего от жары, хралел «прирухост». Там называли тех, кто особенно много спал—«прирухал».

Холодный Мурманск далеко. Проходят дни, и «Товарищ» в Англию.

Насколько огромный интерес вызывал «Товарищ» в Дувр, где только ни бросал якорь, трудно описать.

За час до прихода в Дувр к паруснику подлетела гичка, там шелкал аппаратом фотографа, потом гичка скремлась, и когда «Товарищ» вошел в порт, в воздухе по городу галечники с криком разносили выпуски газет с фотографиями парусника, в kiosках продавались открытки с изображением «Товарища».

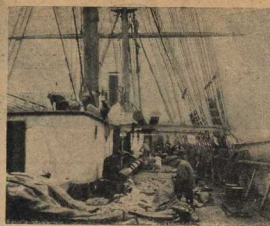
В Сугомонте «Товарищ» стал великим гигантом океана—парохода «Левинафана».

Капитан «Левинафана» отнесся радушно к команде «Товарища». Он был очень доволен тем, что его засняли на фоне герца дия—«Товарища».

То, что увидели наши моряки на «Левинафане», превзошло всякие описания.

«Левинафан»—не пароход. Это огромный плывущий город. Капиталисты смогли океане окружить себя невиданным комфортом. Переезжая из Америки в Европу, они гуляют в тропических садах, ходят в кино, танцуют в огромных залах, слушают концерты, читают специально издающуюся газету «Левинафана» и волнуются... на бирже. Да, на «Левинафане» есть самая настоящая биржа, где стремительно скачущими летят доллары, пирры, пезо и франки.

(Продолжение см. стр. 4-ую обложки).

За починой парусов

уступит хорошо выскобленному кухонному столу доминовой хозяйки. Медь, даже в сумраке вечера, горит золотом. Снасти вытнуты. Рей безобразно выровнены. Паруса укатаны и закреплены, что называется, в ниточку.

Я прошел по палубам, взглянул в помещения, в лазарет, в красный уголок—все сияет шестого цвета, чисто-морской чистотой.

В красном уголке целая коллекция подарков от рабочих и партийных организаций

живо-американских республик: барельеф с аллегорической фигурой труда, бюст Перини (сделан итальянскими рабочими в Розарио), металлические значки, вымпел от рабочих Дуэра...

Скоро буксир дотачил «Товарища» до так называемой «мелесовой стены» в порту, и он начал швартоваться к берегу.

Подали сходни...

Утром, при солнечном свете, «Товарищ» выглядел еще чище, еще шестого цвета.

Да, в таком виде не стыдно показаться советской корабль в любом иностранном порту.

И все это достигнуто не побоями, не матерью дуганами, не суровыми наказаниями, как это бывало в царском флоте, а товарищеской трудовой дисциплиной.

С 11 часов утра начали собираться представители организаций, помельчавших чествовать «Товарища».

Ровно в полдень корабельный колокол пробил «б склянок» (условный звон), и с мостика раздалась команда:

— Ученики и команда во фронт, на палубу на правую!

Спробно вытянулись две шеренги чисто и красиво одетых по форме молодых моряков во главе со своими вахтенными начальниками.

Остальная судовая администрация и депутация собрались на легком висящем мостике, перекинутом с борта на борт у второй гротмачты.

— Смирно!

После приветственной речи представителя Ленинградского Совета передает капитану корабля т. Фрейману громадный шелковый кормовой флаг. Капитан торжественно передает его старшему помощнику для поднятия. Через минуту новый флаг приготовлен к подъему.

— Кормовой флаг сменит!

Под могучие звуки «Интернационала» новый флаг, много шедший складками, медленно идет вверх по высокой гафель криво-салинга корабля. А старший, заслуженный флаг «Товарища», выданный порты Англии, Мадеры, Уругвая и Аргентины, медленно скользит вниз, уступая ему свое почетное место.

Минута кошного и трогательного торжества.

После митинга показательное парусное учение.

— Команда и ученики, в рабочее платье передельте!—гремит голос Саенко.

Через несколько минут экипаж «Товарища», скривившись было в лежке субрижа, соскочил на палубе в синих вязаных фуфайках с вышитой на груди красной надписью: «Р. У. С. Товарищ НКПС».

— Паруса на фок-мачте ставить! Первая вахта к вантам!

Команды раздаются за командой. Быстро взбегают наверх по вантам первая вахта и разбегается вдоль по реям. Две других вахты остаются внизу у снастей.

Двенадцатисажженные двухсотпудовые реи корабля взлетают вверх, как игрушечные палки. Снасти тянутся бегом по палубе.

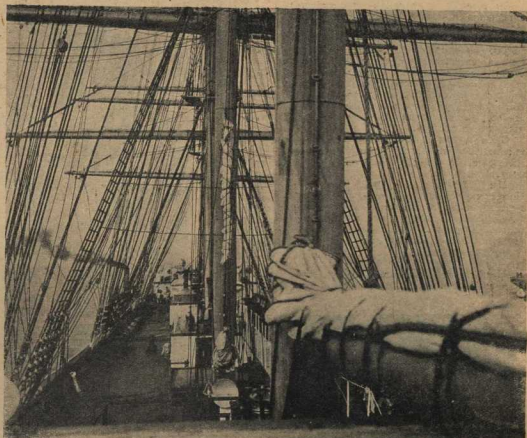
В десять минут громадные льняные крылья «Товарища» натянута.

В 3 часа праздник окончен.

Хороший, большой, и чисто пролетарский праздник. Ни многословных и пустованных речей, ни убогих и шаблонных, ни лживых восхвалений начальства. Скромно сделано и скромно отрадно было дело!

Экипаж «Товарищ»

Безветрие. Парусник идет на буксире

194

Казахстана, те, что залеги отныне верст между вьюными солончаными Туркестаном и снежной, холодной Сибирью. Еще вчера здесь—кочующие юрты и стада, колахающиеся море травы, старые, вьбаны освещенные обочи, тишина, белокорье и обрываетый безлюдный горный край.

А сегодня—уж что-то новое, невиданное, что успело распространить эти бескрайние степи, эти горные скалы.

Высоко в воздухе стрекочат урбы самолеты: это инженеры аэроэмной авиации с высоты сотен метров меряют и фототрафируют землю, выгладывая удобный путь для новой, первой в этих краях, железной дороги. А внизу уже прошли партии изыскателей со своими трехкогитими инвентирами и красно-белыми рейками, уже суетятся сотни рабочих, серыни и черноты, благодатники штабелами лежат заготовленные шпала и рельсы, и стальной тонкой лентой залегла первая сотня верст проложенного пути.

Это сегодня.

А лет через 5 прочно ляжет по степям и склонам Тянь-Шаня полая верста, чтобы к 1940 году превратиться в великую железнодорожную магистраль Сибирь—Туркестан.

И оживут тихие, безлюдные степи. В этой стране стаи, кругляки юрт, шамыша и колыхающаяся, нетронутой травы повисает угольные шахты, серебро-свинцовые рудники, золото, промишленные предприятия. Потому что уголь, золотом, свинцом и серебром богат Казахстан. Потому что только из-за отсутствия железной дороги, а не из-за бедности земельных закромов, допались и разрушились стихийно зарождающиеся здесь прежде предприятия.

Воль новой дороги залмат трубы заводов по переработке продуктов животноводства, утилизации костей и других отбросов для удобрения, чтобы полти на хлопковые плантации Туркестана. Начнется сбор конины, волоса, и шерсти, чтобы через северную Карскую экспедицию уйти на английский рынок.

Короче говоря—

весь почти мертвый

сейчас район Казахстана в своем хозяйственном и бытовом отношении богатствами России и Италии, соединившись с ней, построит которой и

Но даже не в 1940

основная и главн

Пл

На вмяжонных зап

Знаменитые хрватин

лись на этих жюка (на

назав) подлости и инд

отности с такими крив

чих песков и как-буд

привного дорожку зап

шшились. Потому что

страждога за сибир

ре Челябинск, Сибир

И в результате—ши

турным магальная в про

годно выплечиваемая

за 1/2 миллиардов тра

Что это?

Фантазия? Нет.

Пророчество? Нет.

Так что же?

План. И это далеко не одно и то же. Потому что фантазия и пророчество—от сердца, от воображения, часто от одного только инелания увидеть то, что хочешь видеть. А план—от разума, от сухих вычислений, от арифметики. Арифметика не и равну всегда вернее и обычно скучнее сердца и воображения.

Значит—план, или по-теперешнему, по-официальному: «генеральный план реконструкции народного хозяйства на энергетической базе на ближайшие 10—15 лет».

Планио и мало понятно? Верно.

И, конечно, скучно? Нет, нет и нет!

Потому что этот план—не обычный план.

Он ярче и заманчивей любого романа.

Он—блестящая, захватывающая повесть, которой еще не знал мир. Не знал, потому что только впервые теперь совершается то, что предвидит его арифметика и цифры.

Он говорит о великом строительстве социализма в первой стране, завоевавшей себе право на это строительство. И не только о восстановлении разрушенного в вихре войны и революции—потому что все это уже позади,—а именно о новом строительстве крепкого, как сталь, прочно сколоченного социалистического хозяйства громадной, полуторастиллионной страны на чорых, невиданных миру, основах, когда нет частновладельческих перегородок, а есть только единое народное хозяйство, раскинувшееся на 1/4 части земного шара.

Сухие цифры и вычисления, скучные экономические законы, мертвые карты, планы и диаграммы,—все это здесь оживает в захватывающую, величественную картину.

Мы 1927 года и мы 1940 года безгранично различны.

Потому что между этими годами—те, о чем говорит генеральный план: 13 лет упорного нового строительства. Его нельзя охватить в одном очерке, как и нельзя детально расписать в нем в толстом томе. Его можно дать здесь только в отдельных поверхностных картинках.

Железная смычка

Наш крайний юго-восток. Отроги скалистого, обрывистого Тянь-Шаня и безграничные, бескрайние степи

Если продукция нашей текстильной промышленности в 1936 году, которая будет равняться 3.100.000 километров ткани, размернуть и перевернуть «широким ремнем» между земным шаром и луной, то она охватит это огромное пространство, как показано на рисунке, несколькими десятками лент.

ПРИНА, рис. И. ЯНГА

на трибуне VIII Съезда Советов В. И. Ленин назвал «планом и законом, что старый экономический уклад России капиталистический», — наши враги извлеклись, пророча нам и К. десятилетием октябрь хозяйства нашей страны выводу свои довоенные размеры. В последние СССР создан будет 1940 год, 23-й год революции — тот рубеж, который мы считаем практически доказанной истиной.

Войны Монголии, нетронутый лес, бесконечное разнообразие части даже еще не ученой площади равнин Франции, — этот район впервые будет освоен нашими строителями. Севернее, дороги, на которые мы строим, не великой магистрали. Не от Сибирь с Туркестаном.

ЮЖНО

Южные Туркестана нет влаги. Южные островники раскинулись по длинным «арыкам» (каналы) от этих прекрасных полей, от распаханных садов, природой созданных для каменитых, приходится сейчас всасывать Туркестан перепланирует идущий оныльным путем в Волгоград.

55 миллионов долларов, ежегодным хлопковым королям этого хлопка.

нов метров.

Вам неопытна эта шифра? Попробуйте обернуть наш земной шар по экватору лентой годовой выработки советской хлопчатобумажной ткани в 1940 г. и вам придется продергать это 130 раз. Потому что 130 раз обернется лента выработки 1940 года вокруг экватора.

Так не похолод 1940 год на 1927.

Великий путь

Дальше на запад, через голландские степи и солончак Прикаспия — к Волге и Дону.

И снова человек 1940 года не узнает здесь того, что видел он в 1927 г. Потому что и здесь за этот 13-летний период советское строительство показывает итоги четырех

Так дорого расплачиваемся мы сегодня за то, что благодаря стени Казахстана разобьются Сибирь и Туркестан.

Но 1940 год не похолод на 1927. Проложенная Семиреченская дорога перебросит кратчайшим путем в Туркестан дешевую сибирскую пшеницу. А это даст возможность Туркестану освоить для посевов хлопья сотни тысяч десятин полевых земель, теперь заволакуемых пшеницей. Широко же поставленные оросительные работы еще дальше отодвигнут солончак, горячий песок, заменив его душисто-белым хлопчатником, и в результате 1940 год даст не то, что даст нам 1927.

Прежде всего — американцы лишатся тех миллионов, которые мы платим им сейчас: нам почти не покажется импортный хлопков. Затем — исчезнут очереди у городских мануфактурных магазинов. Потому что обшая выработка, которая только хлопчатобумажных тканей на советских фабриках вырастет до 5.100 миллионов

революции истории великого назначения — великого пути из Волги в Черное море.

Родился эта история в Константинополе, во дворце мусульманского султана Селима II на совете его военачальников. Шла речь о походе на Русь, о наказании строптивого русского царя Ивана Грозного за его пренебрежительное отношение к Великой Порте. Рассерженный султан решил раз и навсегда покончить с Москвой и порвать цепь Ивана в самом центре его степей. И им был выработан план этого великого похода: его инженеры должны прорыть канал между Волгой и Доном, чтобы могущественный турецкий флот мог войти в Волгу.

Турецкие инженеры только сотни людских жизней потугили на этой исторической работе, да исковеркали землю около теребского Сталинграда. Большого сделать им оказалось не поспу.

Не успели затянуться земля и зарости лесом овраги, вырытые рабами Селима, как снова, через 130 лет после первой попытки, на этом узком перешейке между Волгой и Доном появились тысячи рабочих: это полковник Петра I согласил сюда толпы подневольного люда рыть кратчайший путь для выхода волжских товаров на иноземные рынки через Дон, Азовское и Черное море. И здесь снова неудача: нет канала, и только новые горы вынуты земли и новые глубокие овраги говорят о попытке второго модерника.

А после на всем протяжении истории — от Петра I до Николая II — десятки проектов русских и иностранных инженеров все о том же: о Волго-Донском канале, который заставит Волгу течь в Черное море.

Все это в прошлом, в далеком прошлом. А сейчас: настоящие указания Владимира Ильича, что «Волга — Дон — первоочередная работа, все законченные изыскания, составленный проект, начатые работы по углублению Ростовского порта (потому что и это входит в проект великого пути Волга — Дон — Азовское море) и со дня на день ожидаемое разрешение начать основные работы по прорытию канала.

К 1940 году этот путь уже будет давно закончен. Волга потечет в Черное море. Волга перестанет быть закрытой рекой. Волга откроет громальному Поволжью широкий, дешевый выход на иностранные рынки.

Соотношение размеров левой и правой долины на рисунке изображает разницу общей выработки чугуна 1913 и 1940 г.г.: к 1940 г. мы будем выплавлять в 2,5 раза больше, чем выплавлялось в 1913 году. Однако, одна эта количественная разницка совершенно недостаточна без качественно сравнения металлообрабатывающей промышленности 1913 и 1940 г.г.: к 1940 году наша металлообрабатывающая промышленность будет выплавлять станки, моторы, механические машины, прокатки, т.е. все то, что до революции у нас никогда не производилось, а возилось из-за границы.

И сейчас новый Волг-Донской канал потечет к баржам и пароходам и миллиарды пудов ежегодных грузов—хлеб, руда и лес. Печет для того, чтобы, пройдя через усовершенствованный, ставший мировым Ростовский порт, снова отбывавший себе потерянные на войне и революции хлебные и лесные рынки.

Железо в объятах углю

Дальше и дальше на запад... Донбасс и Кривой Рог. Железо и уголь.

Они не могут жить друг без друга. Они или остаются спокойно лежать в недрах земли или, выйдя на поверхность, уголь неизбежно придет к железу, а железо—к углю. И вместе они создают то, что носит название черной металлургии (чугун, железо и сталь) и что является действительным доминантом мирового хозяйства.

Потому что все шумные машины современной промышленности с их винтами и зубчатыми колесами, с их моторами и паровыми молотами, весь этот мощный аппарат приводит в движение сахарная, хлопчатобумажная, кожаная, стеклянная и др. промышленности, все развитые железные пороги, все величие торговых флотов,—все это рождается в доменной печи, где впервые куски грязной обожженной руды превращаются в чугун. Потому что металлургия определяет победу и на полях сражений: весь вопрос о победе в прошлую мировую войну сводился к тому, кто выбросит большее количество металла, кто сумеет скорее и беспощаднее выжечь чужой фронт ураганным огнем своих орудий. А разве лущенная фабрика всего лишь не отделение металлургического окислительного завода?

Вот почему так заманчиво для нас это соседство Донбасса и Кривого Рога—угля и руды. И вот почему именно здесь, в Кривом Роге,—центр нашей теперешней и будущей металлпромышленности.

Сейчас металл нам нужен «по варвару». Стоит только взглянуть в основные отрасли нашей хозяйственной жизни, чтобы понять, как бесконечно необходима всем им самая энергичная и быстрая помощь нашей металлургии.

Наша деревня страдает от недостатка сельскохозяйственных машин; крестьянину нечем править свой совершенно износившийся инвентарь. Значит—надо сбросить металл на завод сельскохозяйственных машин и в деревню к крестьянину.

Все увеличивающаяся работа транспорта требует миллионов пудов рельс, десятки тысяч новых вагонов, сотни локомотивов. Значит—миллионы тонн металла должны быть срочно отпущены транспорту.

Электрификация тоже исключительно остро нуждается в развитии металлургии, особенно «жесткой», потому что при том ничтожном количестве меди, которое теперь добывается, мы не можем электрифицировать нашу страну и развить электротехническую индустрию.

С легкой промышленностью и особенно с ее самой основной отраслью—текстильной—дело обстоит, пожалуй, еще стрессе: она не в силах развиваться, не получая достаточного количества металлургических изделий, новых машин и станков. А параллельно со всем этим оживает и строительство городов. Уже в 1924/25 г. впервые в программе металлпромышленности заметное место начало занимать производство строительных материалов. Теперь же подобно рода заказы выростаи в несколько раз.

Вот короткий перечень неотложных требований к металлпромышленности со стороны нашего народного хозяйства.

Валовая годовая продукция нашего сельского хозяйства к 1940 году вырастет на 1,600,000,000 пудов хлеба сравнительно с 1913 годом.

Если электромашин построить на судно, то потребовался бы паровой двигатель ваттских размеров, каким он изображен на рисунке

Как справляемся мы с этими требованиями обща? Что сделана в металлургии уже теперешней 1927 год?

Ценой громадного напряжения наша металлургия уже достигла довоенных размеров. И наша работа в этой области не ограничивается чисто восстановительным процессом. Если широкая Россия не знала целого ряда производств, наделия которых вводились извне из-за границы (например, оборудование текстильных фабрик и нефтяной промышленности, новые методы ато и авто-строения), то мы в настоящее время не можем продолжать линию такой зависимости от иностранного капитала и на ряду с производством, установившемся еще в довоенное время, энергично развиваем работу по постановке новых производств.

Вываем хотя бы совершенно новое для нас текстильное машиностроение. Уже в 1924 году наши заводы сумели полностью овладеть производством сменных стетических деталей и стетивующих машин и перейти к производству целых машин. В настоящее же время полным ходом идет изготовление ткацких станков и основных прядильных машин—ватера, баннобрана, чесальной машины.

Еще более яркие результаты достигаются в области авиационной промышленности. Она зародилась в самые темные годы и тем не менее твердо и крепко стоит на ногах. Уже в 1924 году ее заводы начали переходить от серинного к алюминию, производя не только моторы, но и самолеты, которые по своей конструкции и прочности не уступают иностранным.

Таким же новым производством является для нас и авто-строение, которое до появления здесь не прививалось в Россию. И только в 1924 году, после преодоления исключительных трудностей, удалось на московском заводе «АМО» построить автомашину—первую не только в СССР, но и в повенной России, полностью выработанные на русских материалах и на русских заводах.

Вот коротко то, чего достигли мы к нашей 1927 году.

Что же даст нам 1940 год.

Пусть нашей металлургии с 1927 по 1940 год все тот же, что и с 1923 по 1927 г.

Расширение не только тех производств, которые были знакомы довоенной России, но и зарождение новых, построения крупных металлургических заводов, оборудованных по последнему слову техники, и самая максимальная рационализация производства. Для того, чтобы здесь не было крупных промахов, чтобы заводим извлекались в тех местах, где им быт выгоднее, чтобы и проектирование шло правильно, в Ленинграде создан специальный научный институт, в работе которого принимают участие ученые металлургии Союза, привлекая время от времени и зарубежных инженеров. Задача этого института—проектировать новые заводы и предохранить советскую металлургию от досадных и дорогих ошибок.

Как же количественно будет расти наша металлургия? Здесь наиболее показательными будут цифры душевого потребления чугуна (т. е. того количества его, которое приходится на душу населения).

До войны, в 1913 г. в России оно было всего вое по сравнению с чужими 1,4 пуда в душе и в августе 1,6 пуда. К 1925 г. наша металлпромышленность еще не могла справиться с последствием разрухи, и малая цифра 1913 года упала еще ниже—до 1,1 пуда на человека. Но она уже успела—росла все выше и выше, чтобы в 1930 г. подняться до 2,6 пуда на человека. Через 15 лет, к 1940 г., достигнуть 4,1 пуда. Это значит, мы что вырастем в чугуном отношении к 1940 году больше, чем в 2 раза по сравнению с довоенной нормой.

Но это значит и еще кое-что. Это значит, что на наших текстильных заводах будут наши машины, на наших электротехнических—и наши турбины, на наших паровых—и наши паровозы и автомобили, на наших полях—и наши трактора, а над ними, в воздухе—наши собственные самолеты, которые уже успели показать свою выносливость и выдержку.

Это значит, что СССР действительно «станет металлургическим», как мечтал об этом покойный Ф. Дзержинский.

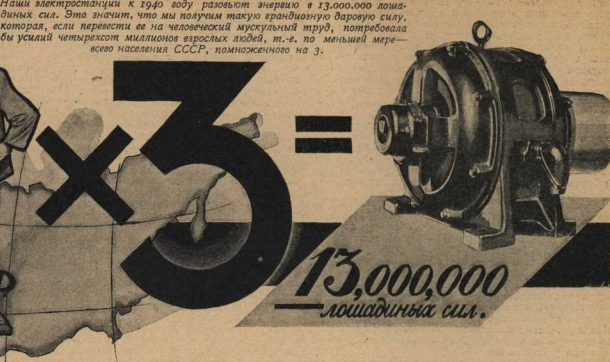
И, наконец, последний вопрос: хватит ли нам сырья для такого размаха?

Металлургии в ее основе нужны руда и топливо. О топливе речь будет впереди, а для руды—цифры. По самым скромным, явно невыгодным для нас и преувеличенным подсчетам мы обладаем по крайней мере 40—50 миллиардами пудов руды—шфры, вполне достаточная для того, чтобы быть спокойным за сырьевую базу нашей металлургии.

СССР
1.600.000.000 пудов

Наши электростанции к 1940 году разовьют энергию в 13.000.000 лошадиных сил. Это значит, что мы получим такую грандиозную даровую силу, которая, если перевести ее на человеческий мускульный труд, потребовала бы усилий четырехсот миллионов взрослых людей, т.-е. по меньшей мере— все население СССР, помещенное на 3.

Морские гиганты по пути челноков

Теперь— к пути незатронутому на карте кучушку Днепра, широко раскинувшегося в степных просторах Украины, к тому месту его, которое испокон веков считалось «вековой несправедливостью природы»— к знаменитым Днепровским порогам.

Когда-то, давным-давно, здесь был великий путь «из варяг в греки»— из Балтийского моря к Черному и дальше в Константинополь. Позже у этих порогов, на островах Хортице, был главный лагерь запорожской казацкой волиницы, где украинцы от полково-порочного гнета и насилия украинские крестьяне.

А сейчас, в 1927 году, здесь уже заняты тысячи рабочих, стучат топоры, скребются лопаты: это закладываются фундаменты величайшей в СССР электростанции, величайшей в СССР сооруже— Днепрострой.

К 1940 году он уже будет готов. И не только готов, но, вероятно, и расширен до своей предельной мощности— до 650.000 лошадиных сил.

Эта цифра суха, а короткое слово «Днепрострой» так мало говорит несовершенство.

А ведь это значит, что такое как же, как и у Сталинграда на Волге, здесь завершится многовековая история борьбы человека с острыми камнями девятисот Днепровских порогов.

Это значит— к 1940 году покорен будет Днепр.

Умрут пороги и только из рассказов отцов узнают о них молодежь. А ниже их вырастет поперек реки то, что погубит их— каменная стена, высотой в 12-этажный дом и длиной в 7½ версты.

Полверсты его Днепр затопит свои берега и покинется на 37 метров. А это сделается всю линию Днепра судоходной, это даст нам мощную водную магистраль и попарит СССР новую морскую порт— Запорожье. Этот порт— особый порт. Он не на море, он в четыре страны, на Днепре. И все же сюда после сооружения Днепростроя будут заходить морские суда, чтобы грузиться богатствами Приднепровья.

А богатств этих немало. Тут и 20 и миллиардов в ладье железной руды, и миллиарды и миллиарды и марганца, и каолина. Пока все это или почти все спит. Нехватает сил поднять из земли это богатство.

Но когда вырастет Днепрострой, когда первый раз по провалам брызнет «кровь промышленности»— электрический ток— омывет край, вырастут новые металлургические заводы, бурным темпом двинется разработка алюминиевых рудников, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение нашей авиационной промышленности, вырастает добыча нефти для высоковольтных изоляторов, нужных нам для дальнейшей и широкой электрификации Союза.

Чем заменится труд 400.000.000 мужчин

Днепрострой 1940 года— основа, краеугольный камень нашей электрификации, который заменит нам почти 20 миллионов рабочих у армью. Но как ни велика его мощность, ее нехватит нашей промышленности. Потому что

и сейчас, и в 1940 году, и много лет спустя жизнь и промышленность нуждается и будет нуждаться в электричестве. Его нехватает, сколько бы его ни давала электростанция. Потому что оно увеличивает продукт, дает возможность массового производства, делает жизнь гигиеничной и удобной, потому что оно необходимо городам и фабрикам, как хлеб и воздух человеку.

Нашо дело и открыто сказать— в проведении электрификации нашей страны мы находимся в несравненно более выгодном положении, чем заграница. И не потому, что у нас технические возможности богаче и что наши запасы топлива и белого угля могут быть шире использованы. Наше преимущество— в отсутствии тех частительных пересторок, которые тормозят всюкую широкую и разумную электрификацию.

Вот вам пример. Петербург и в старое, Дореволюционно, время голодал по электричеству. Сам собой наращивался выдох— постройка Волховской электрической станции. Но встарь это означало, что дешавый волоховский ток заставит снизить тариф на электрическую энергию уже существующих станций. И их хозяева сделали все, что от них зависело, вплоть до подкупа газет и вышних чиновников, чтобы погубить это дело.

Давне наши враги признают наше преимущество в проведении электрификации. Такой стопроцентный американец, как губернатор Пенсильвании Диффорд Пайнот, который трудно заговорить в присутствии и нам, признал бы недавно следующее:

— Отличие крупных районных электростанций, созданных по общесоюзным плановым сооружениям, от наших случайных частично-заводских— подобно разнице между ручным слесарем и дином. Первый— лут и помощник человека, а второй может быть ему опасным врагом.

Как-будто все за нас. Но сможем ли мы использовать это выгодное положение, хватит ли у нас «чипсы» для будущих электростанций и знаний и умения для их постройки?

О первом беспокоиться нечего: топливом и белым углем мы более, чем богаты, чтобы успешно провести самую широкую электрификацию Союза. Что же касается второго— знаний и умений— то доказательством этого является уже сложившаяся цепь электростанций: в несверло тысячельных условиях блокады и разрухи родившихся Волховской, Штеровской, Киевловской, Каширская, Земо-Авчалская, Балахна и наконец, Шатура— одна из первых в мире по своему техническому оборудованию.

Касие же наши нивы на будущее? Сейчас у нас заложены фундамента очередных электростанций: гигантский Днепрострой на Днепре, Сивирский на северо-западе. Остановой на юго-западе, Ягоская станция в Закавказье и др. Ясно, что этим списком мы далеко не ограничимся: за 15 лет оно широко пополнится новым богатым перечнем. И вот конечный итоговый результат к 1940 году— она общая мощность советских электростанций достигнет 13.000.000 лошадиных сил.

Над этой цифрой стоит остановиться, чтобы как следует понять и почувствовать ее. А для этого придется немного заняться арифметикой.

Работа, которая обвначается лошадиной силой, может быть выполнена, примерно, 10 физически сильными мужчинами. [Но ведь электростанции могут работать круглые сутки не переставая, а человек— только своим смехом, только 8 часов. Значит каждая лошадиная сила на электростанции требует для ее замены 10 x 3 = 30 рабочих, которые бы, сменяясь три раза, в состоянии были бы работать круглые сутки.]

Таким образом, что заменить работу советских электростанций в 1940 году работой людей, нам пришлось бы мобилизовать 30 x 13.000.000 = около 400 миллионов физических и силовых мужчин. А это значит: уволить из населения Союза почти в 3 раза, переправить всех стариков, женщин и детей в физически сильных мужчин, и мы получим ту 400-миллионную рабочую армию, которая в состоянии будет заменить советскую сеть наших электростанций к 1940 году.

Таков размах нашей электрификации.

Мир с землей

А теперь— на восток от Днепра, к черноземной полосе, к Поволжью, и Кубани, к Западной Сибири— к хлебным полям Союза.

Вы помните жуткое лето и зиму 1921 года, когда наша Пovolжье, наш юг, а с ними вместе и вся наша страна захлмылись от голода? Вы помните жесткие укасом короткие строки газетных телеграмм, говорившие о голоде шлемк равном, о голодных смертях, о сумасшествии, о людоедстве, об опустевших волостях и уездах и о беспривольных ребятах?

Это советские поля отомстили нам за наше невнимание к ним.

Дальше так продолжаться не может. Нам нужно заставить землю признать нас своим хозяином, на которого она должна честно работать без забастовок, капризов и неожиданностей.

Потому что, действительно, какой у нас социализм, когда наши стомилионные крестьянства находятся в полной зависимости от капризов слесарю или часто бастующей земли.

Нам нужен во то бы то ни стало мир с землей. Но как покочить землю? Как сделать наши поля действительно инстинкты Европы и не только не вносить чужого хлеба, но и выработать на мировой рынок тысячи повозов хорошего советского зерна?

Есть три пути для этого завоевания наших полей.

Путь первый—увеличить площадь засева. К великому нашему стыду из громадного земельного фонда в 3 миллиарда десятины мы обрабатывали в последние довоенные годы, и к несчастью обрабатываем и сейчас, около 100 миллионов десятины и, имеем еще столько же вполне пригодных, но заброшенных и необработанных. Значит, первое, что мы должны сделать, это—повысить посевную площадь по меньшей

мере в 1½ раза—до 140—150 миллионов десятин, увеличив площадь хороших и прибыльных технических культур (картофель, лен, конопля, свекла, табак) в 2½ раза по сравнению с 1913 годом.

Но этого мало. Используют только половину наших земельных запасов, мы даже с этой половиной обращаемся из рук вниз скверно. Если у нас по 50 летней средней урочной риз с десятком выражала в рюблях, то в Германии эта цифра доходила до 120 пудов, а в Бельгии—даже по 150 пудов.

И нечего отмахиваться, что, дескать, там земля лучше и плодороднее. Если бы наш крестьянин пошел на бельгийское поле, то он совершенно искренно бы заявил, что это—бросовая земля.

А между тем, с этой бросовой землей бельгийцы обращают в 3 раза больше, чем собирают наш крестьянин с советских полей.

Значит, надо добиться повышения урожайности, и генеральный план намечает свой второй путь: снабдить население улучшенными и чистосортными семенами и минеральными удобрениями.

Недавно в районе гор. Соликамска, что стоит в верховьях Камы, найдены громадные залежи налим, дающие около на внешних условиях—около 4 миллионов. Эти залежи так габризованы и к тому же так выгодно расположены близко к поверхности земли, что их смело можно поставить на одно из первых, если не на первое, мест на земном шаре. Они-то и являются тем основным сокровищем, из которого мы будем черпать минеральное удобрение для наших полей.

И, наконец, третий путь для завоевания наших полей—самая широкая тракторизация. Нам надо во то бы то и стало закончить с правдоверскими мифами величия сельского хозяйства, распрощаться с пререзанной бороной и старым плугом и влить в деревню тысячи тракторов, думавших, удобных, хорошо приспособленных к нашим условиям.

Но справится ли наша промышленность с этим новым или не делом? А если справится, то будет ли это иметь какой-нибудь смысл, потому что трактор—совершенно новая машина для крестьянина, который, быть может, не захочет его, а захочет, не справится с ним?

Уже теперь можно смело сказать, что эти сомнения повади. Несмотря на тяжелое состояние нашей машиноделательной промышленности, нам все-таки удалось выдвинуть несколько заводов и поставить их на производство тракторов. Правда, некоторые из них заняты изготовлением зарубежных тракторов, оказавших наиболее пригодными в наших русских условиях. Но особая группа заводов (Коломенский, «Возрождение и пр.) работает уже над постройкой русского трактора. И практика показала, что новый советский трактор далеко не хуже иностранного.

Вместе с промышленностью справилось с трактором и наше крестьянство: в их руках трактор работает уже над постройкой русского трактора. И слышь и ридом и все 24 часа с прицепленным к нему неросновым фонарем. Но вот цифры: в 1921 г. в СССР было 1.000 тракторов; к 1923 году это число возросло до 3.000; а на 1925 год Наркомзем получил от крестьян заказ на 15.000 тракторов, число которых с тех пор неуклонно растет.

Трактор пробил себе дорогу в деревню и прочно обосновался в ней.

Вот почему не предположение, а уверенность—вместе 3 миллионов рублей, затраченных на тракторизацию в 1923 году, мы увеличим эту цифру до 36 миллионов рублей, доведя ее к 1940 г. до 115 млн. рублей.

Что дадут нам эти три пути, по которым пойдет завоевание наших полей?

По самым скромным подсчетам, через 15 лет урожайность наших полей возрастет на 30—40%. Вместе же с увеличением площади эти поведет к тому, что валовой доход от сельского хозяйства вырастет с 110 рублей на душу населения (1925 год) до 168 рублей в 1940 году. А это не только повысит благосостояние крестьянства, но, уничтожив правдоверские мифы величия хозяйства, поставит его на новые пути, которые в конце-концов приведут его к окончательному покорению основных богатств—зерно—но и значительно сократит возможные тех немозможных капризов и забавок, которыми так жестоко платила нам земля за наше невниманье к ней.

1940 год даст нам если не полный мир, то во всяком случае прочное перемирие с землей.

Подземное царство

Теперь, наконец, на Урал. Здесь на севере течет южная, веселая уральская речка Косыя. Она ватерлила среди густого соснового леса, ее почти не видно среди ветвистых раскидистых соеи и густо—густо нависшего над ней кустарника.

Еще совсем недавно здесь была тайга: девчата собирали малину и мушкетеры рубили кряжистую строевую сосну. Но повзрас как-то народ, что горные плечи, берегов речки Косыя—уголь и руда, руда и уголь. И потекли тогда сюда люди и деньги и зародилось здесь новое предприятие—Кизеловское каменноугольное колли.

Сейчас Кизелов—целое подземное царство. У него есть свой центр и свои окраины. Центр—это шахты: «Ленин», опускающаяся на 200—300-метровую глубину широким и пологим ходом; «Троцкий», где пласт угля ложится капризными и тонкими колени, где работают, не раабива спины, упол на колени, нанося уголю коварные удары снизу вверх; и «Воровский»—шахта узкая, извилистая и низкая. А окраины—мошная шахта в «Юзовкин» и три в «Рубахе», верстах в 20 от Кизела.

Уже сейчас Кизеловки—целое подземное царство, площадь которого измеряется десятками верст тысяч подземных ходов, а головная добыча—миллионы тонн черного угля.

И все-таки Кизеловки—только десята часть, что может дать район вольней речки Косыя. А весь район—лишь маленький угольный островок по сравнению с тем гигантским материком угля, что лежит так за Уралом, в Обиря—Кузнецким каменноугольным бассейном.

Он в 4 раза богаче Донбаса, он один дает 60% всего русского угля, и именно здесь в 1940 году будет центр нашей широко развернувшейся каменноугольной промышленности.

В три с лишним раза вырастет к тому времени добыча каменного угля по сравнению с нашим 1927 годом: до 8½ миллиардов тонн. Идет она, несмотря на широкое использование торфа, нефти и дров.

Да и火柴 и быть не может. Потому что ведь топливо и, главным образом, каменный уголь, это—черный хлеб промышленности. А к 1940 году много будет труб фабричных, и много угол этого твердого блестящего черного «хлеба» поварьдится, чтобы досата накормить их.

И火柴 и быть не может. Потому что прав ге недр-фосфор.

— В теперешних войнах победает не тот, у кого дайнобольные пушки и яловитые, удадливые габины, а тот, у кого больше лошадиных сил в его запасах топлива.

Эе из火柴 и почини. И мы споконны: в наших недрах—400 миллиардов тонн каменного угля. Следовало бы и загранице иногда вспомнить эту цифру.

И еще одно их же собственное явление и еще одно нашу цифру следует помнить и их и нам. Американцы любят повторять:

— Тот, кто захватит нефть—захватит власт. Страна, основательница над нефтью, будет владеть мировой торговлей. Армия, флот, деньги—все это ничто перед нехваткой нефти.

Эе их явление. А вот наша цифра: по пасам ее мы далеко превосходим любую страну, обладая ⅓ всех мировых заледей.

И, наконец, еще последние цифры, чтобы окончательно ясно стала картина нашего топливного развития: если раскол топлива на душу населения в 1923 году был 11,7 пуда, то к 1930 году он вырастет до 23,8 пуда, а к 1940 году достигнет 31,5 пуда. К этому году в 3 раза будет сыгнее питься СССР «черным хлебом» промышленности.

Прошлые года—поруча нам на будущее

В этом небольшом очерке нет ни слова о целых отраслях народного хозяйства: о химической промышленности, о гражданском строительстве, о лесной промышленности, о рационализации производства на каждом предприятии и пр. Тут только несколько цифр и положений о самом существенном и главном. Но даже эти неполные цифры говорят о той гигантской работе, которую надо выполнить, чтобы осуществит развитие генерального плана. И несомненно при чтении их зарождается вопрос: не пустое ли, несомненное прошорство это генеральный план? Справимся ли мы с ним?

Слов нет, перед нами еще безграничное море трудностей, неразрешимых задач, не вятных баррикад. Но сбернести навал, не вятных барьеров, много боев, героических усилий, тяжелых поражений, часто нелепых и обидных утрат, но всегда в конечном счете неизгнательных достижений. И эти прошлые года—поруча нам на будущее. Потому что, если в недавние тяжелые года развухи, года и безвременья русский пролетариат добился таких исключительных успехов, то как же можно сомневатся в его силах сейчас, тогда он немного отдохнул, отстроился и получился?

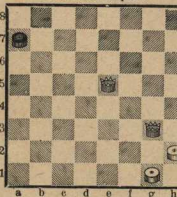
Ш А Ш К И

Под редакцией В. В. МЕДНОВА

ЗАДАЧА № 4

В. ШУМИЛИН (ст. Выселки)

Печатается впервые

Белые: Д е5, g3; пр. g1, h2.

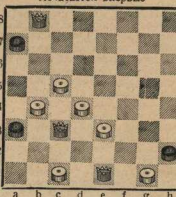
Черные: пр. a7.

Белые начинают и запирают простую черных.

ЗАДАЧА № 5

В. И. ЦВЕТКОВ (Москва)

Печатается впервые

Белые: Д b5, c3, e1; пр. b4, c1, e5, d4, e3, g1.

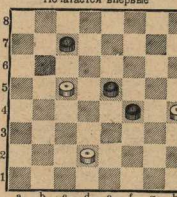
Черные: пр. a3, a7, h2.

Белые начинают и запирают дамку и простую черных.

ЭТЮД № 7

Н. И. ШЕЛОМЕНОВ (ст. Голицыно)

Печатается впервые

Белые: пр. c5, d2, e5.

Черные: пр. c7, a6, f4.

Белые начинают и выигрывают.

Фамилии товарищей, приславших правильное решение, будут напечатаны

В Р А Г В Ш Т А Т С К О М

(Военный шпионаж в действии)

Очерк Б. Н.

В начале войны

Полковник Николай не очень желал бы опубликовать данные о германской разведке, он всячески старается ограничить сообщения о коварной работе противника (Антанта), однако, невзначай, между двумя главами, он как бы проговорившись, сообщает, например такой факт:

«Беспорядочные политические критиканы предвоенной эпохи были для молодой (со времени Бисмарка—В. Н.) германской военной разведки хорошей школой. Дислокация (т. е. расположение) русской и французской армий, их вооружение, подготовка и снаряжение, строение и система крепостей и стратегической сети железных и шоссейных дорог, равно, как и предпологаемые наступления обеих армий (т. е. все важнейшие решающие сведения—В. Н.), были к началу мировой войны генеральному штабу известны».

В последние 24 часа генеральный штаб знал, таким образом, все, что нужно было знать для войны.

«Наступление войск и первые операции мировой войны»,—говорит в другом месте Николай,—«происходили на основании предварительных работ мирного времени... Выступление германской армии произошло на столько планомерно, что прусский военный министр—генерал фон Фалькенгейм—выразился, что он может, собственно говоря, уйти в отставку... Разведка вновь приобрела свое значение, когда фронты застыли, и появилась уверенность в многолетнем характере мировой войны»...

И тогда особое значение приобрела разведка на западном фронте и в нейтральных странах. Здесь тайные шпиглы развешивали во всех их многогранности и сложности.

Кто только не шпион!

Паутину шпионажа был заткан, буквально, весь мир, и нити этой паутины тянулись из тылов и нейтральных стран, через фронты и океан. Часовая фабрика со специальным штатом коммюкажеров и шпионов в Бевиле, школа иностранных языков в Берне, правление пароходной линии в Роттердаме, биржи, служащие международному обществу спальных вагонов, лесотрассы, помы, офицеры-авиаторы, коммерсанты, дилеры, бразильцы, шведы, бельгийцы—кого-кого только не было здесь!...

О том, как работали агенты, дают представление следующие факты, приводимые Николаем:

«Каждое поладание наведенного на Париж гитовского орудия—знаменитой «Берты»—стало вилдой, то есть известным через 24 часа, так что через посредств

разведки была возможна как бы артиллерийская наводка...»

«Прибытие американцев бывало всегда известно задолго до их выступления на фронт».

Как же переносили эти сведения?

«В 1917 году германский почтовый контроль установил, что на газетах, шедших на Германию в Швейцарию,

оообщались хинчические черрилами

был полнин... (Русские были застигнуты врасплох. Прорыв редел в наши руки Галицию...»

Борьба «чорта» с «дьяволом»

С «дьяволом» — разведкой вел организованную борьбу «чорт» — контр-разведкой — в лице контр-разведки,— говорит Николай,— «содержала образцы оказанной изобретательности и упорной работы».

Раньше всего почта. Здесь шпиглы борются хинчическими черрилами и провешивают. В этой борьбе победу одержали провешиватели. Невозможно было изобрести такие черрилы, проявление которых было бы невозможно. Однако, разведка одержала победу на другом участке: нельзя было изобрести такой состав для зачеркивания напечатанного, который был бы безусловно надежным во всем смысле несмываемости.

Контр-разведкой были обнаружены документы, буквально, ничем не отличавшиеся от подлинных, и все же они были поделаными во всех отношениях.

И здесь Николай не без иронии замечает: «Научу придумала для контр-разведки клей, который не давал возможности отделить фотографию. В ответ на это разведка изобрела способ, с помощью которого изображенное на карточке уничтожалось... и новое изображение отпечатывалось на месте старого,—все это предельно было не отключая карточек».

Наука на службе войны добилась того, что напечатанное на листе пишущей машинки, помещалось на карточке, величиной в один квадратный метр. С помощью лупы агенты могли легко прочитать напечатанное.

Помимо военоволенных, наиболее «благодарным материалом» для разведки были, как уверяет Николай, отравленные и лихорадочные. «Они были словосохотливы, тратя свои последние силы на описание своих последних впечатлений».

Так, например, один француз выдал весь план знаменитого наступления французов на Сомере, он рассказал все так детально, что его рассказу сначала даже не поверили. То же случилось весной 1918 года с одним английским сервантом. Его показания были настолько подробны, что по ним оказалось возможным сконструировать модель танка.

Фрак поверх мурида

Авантюра стала глазами армии. Но не ограничиваясь фронтом и наблюдением сверху, она стала высматривать шпионов в тылу врага. Шпионы большей частью носили под штатским платком форенную олежку, чтобы при поимке их не могли канвять, как шпионов. В 1915 году было поймано 9 таких шпионов.

няли англичане, а французы в 1917 г. стали спускать своих шпионов на парашютах.

Голуби на парашютах

Высадка шпионов была все же делом трудным. И вот в 1917 г. французы стали сбрасывать на маленьких шелковых парашютах голубей в корзинках. Здесь же был норм, инструкция, анкетный лист, деньги и воззвание к «французским патриотам». На необитаемых участках в тылу германского фронта было найдено много таких корзинок с голубями, умершими с голоду. С другой стороны, много передатчиков во Францию через линию фронта голубей было подстрелено и оказалось, что все они под крыльями несли военные сообщения «патриотов Франции».

Французы сбрасывали также небольшие пакетики, в которых находились обложки нескольких маленьких воздушных шаров и материя для добычи газа (I) и наполнения им шара. Вместе с сообщением этот шарик при попутном ветре должен был быть отправлен в сторону Франции.

Наконец, стали сбрасывать и небольшие передаточные радиостанции. Работа их улавливалась радиостанциями германского командования, но обнаружить удалось только одну такую станцию у одного священника во Фландрии.

Сбрасывание листовок и газет приняло необычайно широкие размеры. С самолетов, с воздушных шаров они сбрасывались миллионами экземпляров. Достаточно сказать — одна из германских армий сдала 300.000 из неприятельских летучек. Французское и бельгийское население — жалуются Николаи — сильно поддавалось этой пропаганде и стылкой свеченый сильно вредили германской армии. Особенно негодует Николаи по поводу того, что французы осмелились послать такие же «спасилки» в Эльзас.

Сыпьте песок

Можно допустить, говорит Николаи, что в каждом лагере для военно-пленных находились «попавшие» в плен один или несколько агентов разведки соответствующей страны. И вот через них-то и велась специальная работа, которую Николаи называет «саботажом».

Из нейтральных стран и из родной страны такой агент и многие другие военнопленные получали секретные инструкции, которые должны были рассматриваться, как военные приказы. Что же поручалось таким «агентам».

ним военно-пленным», работавшим на тяжелых работах?

«Там, где возможно достать серную кислоту, поливайте ее картошку, чтобы помешать ее прирастанию. Плохой урожай это ит. пр. и т. д. и т. д. сражения. Вы работаете для отечества».

«Ведите пропаганду среди рабочих и на крестьянских дворах... Укажите людям, что они должны сыпать песок в машины, устраивать короткие замыкания электрической проводки и т. д.»

«Вы можете получить такие маленькие пакетики с аппаратами, которые будут помещены на место, вызывая помехи через 3—5 часов. Кладите их на большие дворы, в вагонах жел. дороги. На дворах дайте сначала скоту аэражные пастылки, а затем подожгите его. Животные поместят тогда в другом месте, при чем они заражат и другой скот... Испробуйте это».

Война в мирное время

«Настоящее время является как бы созданием разведки — восклицает Николаи. Тайная разведка будет в будущем гораздо более значительной, нежели была в прошлом и есть в настоящее время».

«Разведка, — пишет Николаи, — является как бы берометром напряжения между государствами».

«После войны, — пишет Николаи, — ан-

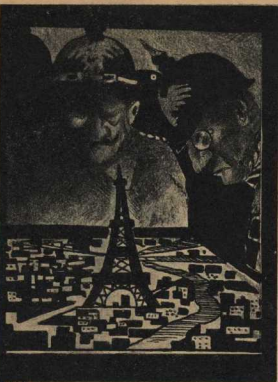
глийская разведка подверглась лишь незначительным организационным изменениям».

... Она обращает особое внимание на попытки Германии вновь завоевать заграничные рынки. Она вернулась, таким образом, к своему исконному полю деятельности. Однако, опытные и из-

вестные по войне и испытанные агенты оставлены в полном, предначертанном для других заданий. И далее: «существует разведывательное учреждение в Стокгольме и Гельсингфорсе. Наблюдение за Востоком расширено через военную миссию в Ковно».

Польскую разведку руководит Франция. ШпIONS готовятся в осех школах... Подделка разведки против России находится в Брест-Литовске... ШпIONS на польской границе находится в полном расцвете...

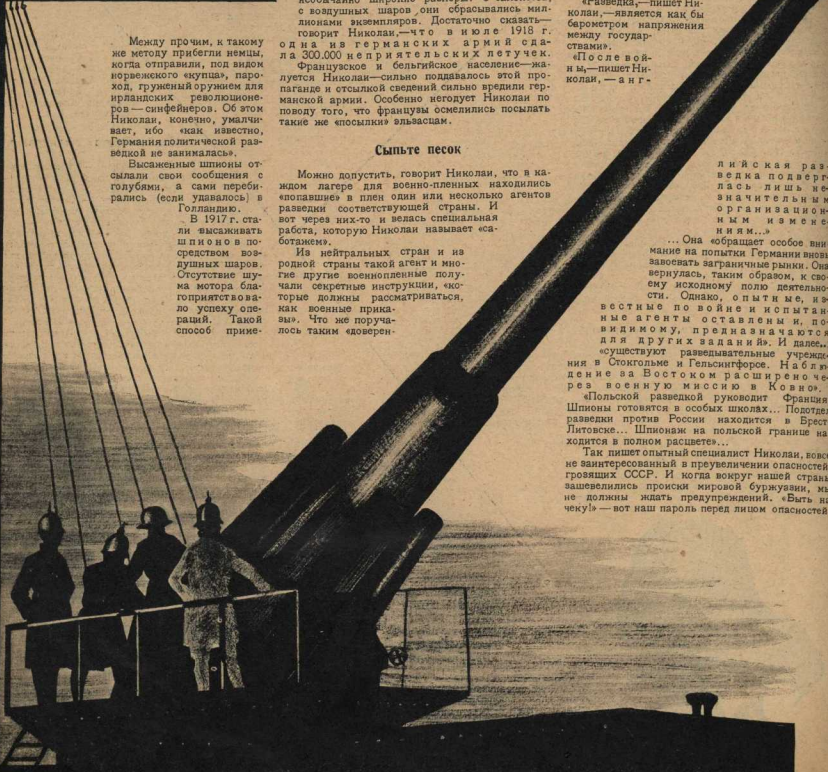
Так пишет опытный специалист Николаи, вовсе не антипрофессиональный предостережения опасностей, ШпIONS готовятся в осех школах... Подделка разведки против России находится в Брест-Литовске... ШпIONS на польской границе находится в полном расцвете... Так пишет опытный специалист Николаи, вовсе не антипрофессиональный предостережения опасностей, ШпIONS готовятся в осех школах... Подделка разведки против России находится в Брест-Литовске... ШпIONS на польской границе находится в полном расцвете...

Между прочим, к такому же методу прибегли немцы, когда отравили, под видом верожаемого «кушана», парол, грузинский орун для ирландских революционеров — синфеиеров. Об этом Николаи, конечно, умалчивает, ибо, как известно, Германия политической разведкой не занималась».

Высаженные шпионы отсылали свои сообщения с голубями, а сами перебирались (если удавалось) в Голландию.

В 1917 г. стали высасывать шпионо в посредством воздушных шаров. Отсутствие шума мотора благоприятствовало успеху операции. Такой способ приме-

А. Р. ПАЛЕЯ
Фантастическая повесть
(Окончание)

Рисуюн И. ЯНГА

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

В 1947 году в Соединенных Штатах Америки—последним владельцем капитализма—инженер Хилекс организовал акционерное общество по постройке плотин, подлежащих изъятию течением Гольфстрима. В результате этого климат Америки должен потеплеть. Европа—пожираться вечным льдом. На торжественном заседании ЦИХ СССР Стеллеров Света, президентом выступилте основатель Союза, получившее известие о постройке плотин, СССР вступил в борьбу не на жизнь, а на смерть с могущественным капиталистическим государством.

отчетливо видны пятиконечные звезды. Около тысячи советских гидропланов с грузом бомб строили и быстро направлялись к плотине. Это было величественное зрелище, и Электра вся ушла в восхищение. Вдруг ее тронули за плечо, и она обернулась.

— Смотри,—сказал Коммунар и указал в сторону плотины.

Но там все было попрежнему. Казалось, никто не обращал внимания на приближающийся грозный воздушный флот.

— Я там ничего особенного не вижу,—с недоумением произнесла Электра.

— Это то, и странно,—ответил Коммунар.

Гидропланы уже пролетели над дирижаблем и головные машины приближались к плотине, как вдруг с одним из самолетов произошло что-то страшное. Он остановился и стал падать. Летчик заперла падение и начал планировать. Десанка проходила свой путь, но в ту и там гидропланы начинали планировать. Через десять минут грозных машин уже не было, а была стая разбросанных по морскому простору гидропланов с бездействующими моторами и потому беспомощных.

— Волны,—замышляясь, сказал Коммунар.

— Какие волны?

— Да вот эти, останавливающие моторы.

На борту одного из несприятельных броненосцев являлся белый дымок. Прежде, чем Электра успела осознать его значение, ее оглушил страшный взрыв, от которого начулся дирижабль: снаряд с броненосца взорвал бомбы на одном из гидропланов. Началась метелический расстрел воздушного флота. Каждый снаряд, попадавший в гидроплан, взрывал его бомбовый груз, и летящий грохот, казался, вскрывал весь земной шар. От страшного сотрясения воздуха дирижабль раскачивался. Вдруг он плавно поднялся и стал уходить назад. Велел за ним шел броненосец с причальной мачтой; был полужен радиоприказ—оставте летучий госпиталь дальше в тылу.

Проял около тридцати километров, броненосец и дирижабль остановились. Дирижабль снова пристал к мачте. Скоро санитарные самолеты отдели дтявлялись раненых. Их было очень немного; почти весь экипаж воздушного флота погиб в атаке. Неприятель не понес никаких потерь.

Работы по сооружению плотины продолжались безостановочно.

ГЛАВА X

Оранжевый луч Валентина Полевого

До-последней ночи шла перевозка раненых, тут же производилась неотложные операции. Более легких раненых немедленно эвакуировали на континент в самолетах. Тяжелых оставляли на месте. Уже светло, когда кончился напряженная работа и Электра ушла в каюту для отдыха. Она была совершенно рабита и, не раздеваясь, легла на койку. Уже овладела полудремота-полубред, как часто бывает с людьми, измученными физически и морально.—Страшная картина гибели воздушной авиации,—беспредметно возникла в ее памяти. К этому мучному образу приносила мысль о дальнейшей судьбе войны—торже-

Всю ночь Сергей Львович не выходил из своей маленькой каюты. Он разрабатывал план работы госпитала.

Утром госпиталь достиг фронта. Все вступило в работу. Почти у самого горизонта аэды моря оказались еще долго. Согласно полученному по радио приказу, дирижабль снизился далеко до боевой линии и пристал к причальной мачте, укрепленной на броненосце. Там он висел, слегка покачиваясь, походивший издали на темно-серое облако удлиненной формы. Большинство работников госпитала выскочило на наружную галерею гондолы и вооружилось биноклями.

Мощность была отчетливо видна на десятки километров вдаль. Почти у самого горизонта аэды моря танулась узкая темная полоса, концы которой с обеих сторон-терпяли вдали. Это и была знаменитая плотина. Непрерывная по своим размерам, она казалась отсюда тонкой полоской и, повидному, почти не поднималась над уровнем моря. Но все хорошо знали истинные размеры этого чудовища. Оно еще не было закончено постройкой, а перед Европой уже вплотную стоял призрак голода. Резко наступившие в конце лета холода убили весь урожай хлеба, овощей и плодов. На ближайший год заложат, но что будет дальше, если это сооружение не удастся уничтожить?

Внимательно глядявшая в сильные стекла, можно было заметить, что плотина являлась центром оживленного движения. На ней копотилось столько людей, что, казалось, они ее покрывали вплотную, не оставляя свободного места. Со стороны берега к плотине и обратно все время двигалось множество судов, казавшихся издали миниатюрными. А по эту сторону стоял многочисленный морской флот Соединенных Штатов. Коммунар находил около ста крупных боевых единиц, кроме мелких судов. Весь флот стоял под парами.

Вверху раздалась дробь множества моторов. Над дирижаблем, на высоте около двухсот метров над уровнем океана, пронеслось огромное количество гидропланов. На крыльях их были

ство американцев казалась неизбежным. Рауна с Валентином также горчала Электру. Она не видела его уже около двух недель и даже не знала, где он. Кончив свою работу, он улетел в Женеву, в главный штаб, и с тех пор от него не было новостей. Впрочем, он предупредил, что ему не удастся ни писать, ни телефонировать прежде, чем он окончательно выполнит поручение ему вассное задание.

Только часов в восемь утра Электра, наконец, уснула по-настоящему и проспала около двух часов глубоким крепким сном без сновидений: молодость и злость взяли свое. Этот сон начался неожиданно и усновил ее. Вышла в обдувку каюту она встала товарищ за завтраком. Лица у всех были напряжены и серьезные. Говорили, что американская атака была подготовительной и демонстрационной. На сегодня ожидалось грандиозное решающее сражение. Впрочем, наверняка никто ничего не знал.

Однако, уже к полудню подтвердилось. Госпиталь был опять первенству ближе к фронту, а раненые все сняты и эвакуированы на восток. К двум часам висел колоссальный воздушный флот. Около десяти тысяч гидропланов устремились все небо. Это была величественная, изумительная картина. Среди неприятельского морского флота стало заметно некоторое беспокойство. Было ясно, что впервые за все время войны вступил в дело главное советское силы. Однако, воздушный флот не проявил никакой активности. Как выяснилось впоследствии, его появление было только демонстрацией, чтобы хотя на короткое время отвлечь внимание противника в ложную сторону.

Прошло около часу, и работники госпитала, наблюдавшие в бинокли, стали недоумевать. В это время на горизонте далеко позади них оказалась черная тучка. Сергей Львович первый заметил ее и обратил внимание товарищей на ее необыкновенно быстрое движение. Не прошло и двадцати минут, как тучка приняла вполне определенные очертания дирижабля, мчащегося к фронту. Он все время снижался, и, когда пролетал над госпиталем, отчетливо был слышен гул его моторов.

Дирижабль приземлился на испытательном флоте и стал маневрировать, сменяя направление и высоту. Вдруг от него протянулся широкий яркий оранжевый луч, хорошо видимый даже при солнечном свете. Луч уперся в крупнейший из неприятельских броненосцев. А в ту же секунду—быстрее, чем можно было уследить глазами за этим величием—огромный броненосец, разрезанный поперек, стал погружаться серединой в воду. Корня и нос начали быстро подниматься. Страшная суета поднялась на палубе. А оранжевый луч уже разрезал следующее судно, и там стало твориться то же. В течение четверти часа на том месте, где стоял могущественный флот, осталось только куча плавающих и потонувших обломков до тысячи тонущих людей.

Рядом с Электрой стоял Сергей Львович. Он сказал медленно:

— Оранжевый луч Валентина Полевого.

— Полевого?—воскликнула Электра, схватив его за руку.—Там, на дирижабле, Полевого? Откуда ты...

Начальник госпитала нетерпеливо ответил: — Об изобретении Полевого три дня назад было сообщено всеми командирами и начальниками

Рассказ Н. МОСКВИНА Рис. БРЕЯ

...Особо это было. Смотрю как-то вечером сидит дочка и гадские обиды разглагольствует.

— Чего, спрашиваю, смотришь-то?
— Кино, говорю, выбираю.
— А почему, говорю, в клуб свой не идешь... Сама хвалила, меня ташила.
— Да я бы пошла... да... Смотрю жметесь девочка.
— ...да, говорю, я не одна, за мной зайдут, а они клубы не обожает.
— Кто это, спрашиваю, кино?
— Покрысела, конечно, до последней возможности и явилит:
— А Павел Сергеевич Жесминов.
— С каких берегов, спрашиваю, вышесона-ченный гражданин?
— А из конторы нашей, счетовод второго разряда.
— Ну, а дальше?
— Больше, говорю, ничего.
— Словно, говорю, а давно это оно-то?
— Чего?— спрашиваю, а сама дурашливо глазами мигает.
— Как чего? Ну это самое... по кино с тобой ходит?
— Три недели,— отвечает.

— Сама смеется, глаза играют, а на щеках пятна белеют.
— Ну, думаю, дело закручено всерьез! Так ска-зать, инвизию, «первая любовь». Да и что возьмешь—девочка, восемнадцатый годок пошел!.. Ладно, посмотрим, что это за герой твой.
— Звоню, бриваю—приходит. Смотрю, кино не случилось ничего—Белая Прага, нос на кончике припух маленько—ну, а так нос, как нос, даже выразительный. Волосы ежиком. Только усы мне не понравились—ядлиные, в пять волосков камыши и, между прочим, короткие. Я так рассма-нул попросидеть у тебя зорюшке, настоя-щие носы и шут с ними! На господу бога не прогнаешь—хуже еще бывает. Но тогда их на-глядно брей! А так, чтоб пакость из-под носа тор-чала—некрасиво, и, по-моему, к благородному лицу не идет.
— Вошел парень в комнату, ножку отставил, голову нагнул, вскзать, честь имею пред-ставиться.

— Ну, от него, натурально, в комнате сразу ду-ховито стало, как в оранжерее. Нюрка моя, туда, сюда, не знает, куда его посадить, куда самой сесть. Дырку на обоях спиной норovit прикрыть. Конфузится, одним словом.
— «О, думаю, неправильную ты лично ведешь! Будь чем есть. Не ты к нему пришла, а он к нам—бери, какие уродились».
— Долго не сидели. Словечками перекинулись и ушли и каюк.
— Денка через три сидим мы с женой, вот так тоже—чашико поливаем. Вдруг входит она. У Нюр-ки в руках пакетик цветной.

— «Ага, думаю, герой Нюрка угощать явилит». Сели за стол. Пакет пакетом, а выложить конфеты некуда. Она зава с вареньем, а другая зава в магазине еще стоит—не купила!..
— На тарелку выложили. Нюрка, шельма, сме-стро, опят конфузится. А этот самый Павел Сер-геевич благородство свое «показывает».
— Кушайте, говорит, конфеты, Анна Мар-ковна, и вы Макар Саввич и вы также, Мария Ильичевна (студия и материнское прозвище успел узнать—первый раз в глаза ее видел).
— «Конфеты, думаю, это ничего—возьму. Не и конфете счастье! Это только болонка от конфеты хаостом завертит. А мне вертеть нечем...»

Начались за чем умные разговорчики. Гра-жданин Жесминову прислушивается, что да что скажет. Свои слова полонезком выкладывает.

— То да се—перескомил на брак.
— Я свою твою сразу выложил:
— Я, говорю, за семью! А не так, чтобы се-годня одна, а завтра другая. После завтра обоим им крышка и накатываешь на тротуэ—это, говорю, не семья, а инвизите, бес-приворная фабрика!..
— Вот и все... И до чего же, вы ду-маете, Нюркиному малелю это все по-правилось! Заулыбался и ко мне приви-нулся. Тут и у него рот раскрылся.
— Прямо как из ведра, сразу хлынуло.
— Я, говорю, всецело присоединюсь к мнению уважаемого Макара Савви-ча. Теперешняя, говорю, мимолетная лю-бовь, не освещенная никаким элконом, собственно говоря, и не любовь, как ее понимали древние греки, а сплошной разврат и фантазия!

— И пошел, и пошел... Э, думаю, куда гнешь! Однако, слышу говорит:
— Церковный брак, конечно, пред-расуюлю, хотя, если одна сторона не-желает этого, можно уступить ей...
— У моей Марьи Ильичичны, смотрю, глаза не глаза—сахарон тает.
— Счастье, говорю, не в этом, а в се-мейной жизни. У древних греков было точное разделение труда в семье. Муж возвал, охотился и служил, а жена воспитывала детей, веда хозяйство и услаждала душу мужа...

— Тут он рожу перекошил в сторону Нюрки. Сразу противно мне стало. Ну, думаю, посочувствовала она волку... Гава, я об этом говорил. А он еще, пол-ке, ко мне присоединяется. Что же это выходит: жена за горшок, а муж за ро-жок! На старое, шельма, гнешь! То-то из тебя слова редко дежали, пока моего слова не услышал. Только ты, думаю, дура! Я голова, дурьями ошмыс!.. Естим, старикам, поздно организму свою перекарывать, то Нюркин организм я тебе залечить не позволю! Без греков обидешься! Лопай сам греков в сынтю! Полаужь-то я подумал, а не скажешь. Первым делом, чтобы жену не потре-вожил, чтобы сахарную радость с ее глаз при нарде не сплутны, а вторым де-лом—начну и вслух говорить, как бы чего не переболеть в словах-то! Может случиться. Козыр у конторщика будет. Скажущ, серый ты серый, и все тво-е отродье серое! Нет уж лучше помолчу—покойнее. Так и смолчал...

— Ну, а после его ухода—семейная дискуссия открылась в полном масштабе: их двое, и один. Дочь одно творило:
— Ты же, говорю, не знаешь, берет и не партийный, всегда, говорит, берет на фабрике билеты на лекции, газету выписывает и у парикмахера голову шам-пунишь смываешь!.. Неплохо, гово-рит, знать, а потом человека чернит! А вот мы, действительно, серые.

— Я ей отвечаю:
— Не тебе, дура, это говорить. Мне, говорю, простительно—сколько мне год-ков-то! В какой жизни-то я жил? С меня спрашивать ничего... А вот с тебя надо спрашивать. Не в такое, го-

ворю, время живешь, чтобы за греческого нежася замуж выходить, под мужику лезть, и де-ские пленники закармываться. Жить киному надо, а бабе особо, потому много веков баба не жила!

— Ну, а она, конечно, оправдывается:
— Сава знаю—не шарский режим. В пленку не потелу. Буду слушать, как и теперь. А это он так говорит—к прериу.

— О, говорю, брось—я много узнаю по походе—через неделю от него убежишь...

— Тут тыжелая артиллерия дингулас—жена подруги...

— Ты что же хочешь, чтоб какой-нибудь ваш заводский кулиган мужиком был? Знаем мы их. Ночь переспит, добро испорчит, а на утро шива и спишь...

— Ну и пошла, пошла. Ковца-кваш нет. Так и спать легли, а дискусию не кончили...

Только открываю я на тех днях газету и читаю в одной статье, скажем, такое место: что, мол, есть много товарищей и даже партийных, которые, одним словом, из таковой жековой организации, загибают, воздушные замки им строят, а дома у себя дупят эти самуру бабу-жену по-чужай...

Ну прямо, как по живому месту эта статья проходила...

— Пошутил, я подумал и зашел после работы к Нюрке на фабрику, Откасал явскую, спрашиваю секретаря:

— Знаете гражданка Жеминина?

— Зачем?—ответает.

— А чем он у вас занимается, кроме службы?

— А вам зачем?

— А надо, сделал милость.

Ну и рассказал: партийный он не партийный, что-то в роде кандидата. По ответственной работе пригласили и таковой жековой организации.

Бедет работу хорошо, лекции даже читает.

— Спасибо, говорю,—и шло. Про греков молчок—немого человека поведать!

Выхожу, а Жеминину навстречу. На бульварчике сели, разговорились. Я ему газетную ту статью кой год прочел.

— Ну, что?—спрашиваю.

— Да что ж, говорит, действительно бывают такие граждане. Но это ведь служба, лекции-то! Не будешь общественную работу нести—получат такого, гражданина со службы-то! Надо, говорит, ихнюю психологию узнавать!

— Какую же изучают?—спрашиваю.

— Странно, говорит, разве вы не знаете, не нашу с вами, а ихнюю.

— А может, «ихнюю-то психологию—это как есть моя,—тогда что?

— Тогда, говорит, я очень удивляюсь.

— Я, говорю, тоже удивляюсь, как это бывают такие дурачливые субъекты. Девушке оие,

жениорганизацию другое, Ну!до! Посмотреть бы мне живым такого, я бы ему соли на хвост налил...

— Да и я, говорит, тоже люблю работу, где бы такого встретил. А между прочим, до свидания же... Будьте здоровеньки!

На этом и растались.

Рассказал кома. Дочь обрадовалась:

— Ну вот я же говорила, а ты не верил.

— Нет, говорю, теперь я совсем верю, что это предрост. Здесь одно, а за дверью другое. А я сплываю, а тебе не указ—своа голова на плечах функционирует. Как хочешь! А газету вот эту прочитай, прямо про него написано. Выгляди!

Читала доску газету или нет—не знаю. А только девичье сердце, что решето: крупное встрянет, а мелкое утрясется...

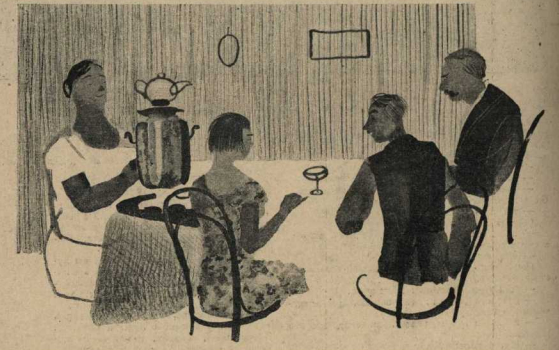
Вспомнил мы Жеминина еще покое...

Приходит Нюра с фабрики и говорит, что Павел Сергеевич пропал вот второй день. Поискали не убедили ни где. Жалко все-таки. Где, а жалко! Но на завтра пропавший Жеминин обозначился на горизонте. В газетном «присидел» прочли:

«Задарил П. С. Жеминин, скрививший с созовыми деньгами...»

Такого-то числа и т. д. Одним словом, упир монот! Оно и лучше, чем в бабей организации лекции читать—по прямой специальности, по крайней мере.

Ау Нюрки все утряслось—ни кусочка не осталось. Вот было—вот нет. Решето. Или вот оку-ванчик—дунешь и чиото...

НЕБЫКНОВЕННЫЙ РЕЙС

(Перенос со стр. 7)

Посреди океана капиталисты шуршат сквою монюль в картинных галереях на шведеры искусства. Словом, всем, чем пользовались «короли промышленности у себя в кварталах Нью-Йорка, Чикаго, они находят на «Левизафа».

В Розарио, куда «Товарищи» привез груз, парусник встречали тысячи зрителей; полисиены еле сдерживали напор гражданских толп; все пыталось увидеть собственными глазами «знавших большевиков».

Лишь только лозже команда поняла причину столь исключительного любопытства.

Побывав в городе, они зашли в кино, благо шла картина из «русской жизни и...», реклама говорила такое о большевиках.

Что же увидела команда? На экране мелькали звероловные одолаемые (!) рыбы, они гребали и крошили все, что попадалось им под дрыку—они носили имя большевиков.

Моряки не могли удержаться от смеха. Хотелась также и аргентинская публика, ибо в партере сидели настоящие большевики, но они имели в верхней ступени добродушный вид, они были гладко выбриты, носили красную форму, а главные, них у кого из них не торчала из-за пазухи кривая нос.

Газеты восторженно воспевали «Товарища», за компаниям по улицам ходили толпы горожан, но то, что омидало моряков в Буэнос-Айресе никто не мог преподлагать.

Когда парусник вошел в Буэнос-Айресе, в порту ду скринили доски сдвойной под тысячами ног. Ишли на каботажном Бататическим морем бусовали соломенные тирюлки, доносились шум голов, люди направили руку на друга для того, чтобы йак можно лучше увидеть советский парусник.

Наконец, «Товарищи» бросил якорь, и тогда вперед пробилась команда, они «подбрасывали вверх шляпы и отпугивательно кричали:

— Вперед парти коммунист!

«Товарищи» стал в глухом доке—с самой отдаленной части порта. Чтобы пройтись к нему из города, нужно было сделать большой крюк.

Другой дороги не было.

Восторженные аргентинцы «протоптали» прямую дорогу, и с той поры этот путь называется не иначе, как «дорога Товарища».

Город, буквально, бусовал. Все газеты были полны описанием «Товарища», всюду красовались фото парусника, в городе только и говорили о гостях, гордились необычайной кипучей жизнью, как-будто бы только «Товарищ» являлся целью и смыслом жизни аргентинской столицы в эти дни.

Перед «Товарищем» проходили манифестации, в городе провалялись фотографии, приходили за интервью репортеры, всюду звучал любимый танец аргентинцев—танго. Бы, наверное, помните ставшее уже пошлым слод знойным небом Аргентины,—одним словом, танго у аргентинцев чутливо не национальный танец.

Так вот, кто-то наматол себе на ус, верней, наматол знаши на нотную бумагу, что-то из предпринимчивых композиторов сел за ролль, и готово было, привалившее в восторг шель Буэнос-Айресе модное танго—танго «Товарищ».

— Все танцуют танго «Товарищ»,—кричат реклам; раскулаются ноты, расплываются ноты. Ночью столица сплелает потоком электрических реклам, ночью по гладкому, отполированному асфальту верхинами скокуют авто, из ресторана, на кафе, из даниситов, из открытых окон квартир, из обсинов и подвалов несутся звуки «Товарища».

Оркестры играют фокстроты, танго, посященные «Товарищу», а в это время команда ходит по городу, выкиает во все окружающее.

С советскими моряками знакомятся, с ними стараются войти в приятельские отношения, но наивный все же не может удержаться, чтобы не промолвить:

— Да нет, вы не большевики, не можете быть, нуужели большевики такие, как мы?

Команда со своей стороны присматривалась к аргентинцам и тоже находила вокруг много необычайного и интересного.

Были девушки.

Девушка никогда одна не гуляет на улице, она не может знакомиться с юноша, который ей нравится, такую девушку будут считать «бесчестивой», никто на ней не женится. Она всегда гуляет в сопровождении мамыши, не отходит от нее ни на шаг. Одно ей разрешается—это смотреть на молодых людей с балкона или из окна.

Юноша ходит под окном в течение долгих дней. Если девушка ему нравится, он посылает ей воздушные посылки, бросает записки. Если ответно ответ, знакомство завязывается. Середняя ступа пробыл.

Потом начинается гуляки зра. Молодой человек приглашается в дом, знакомство длится месяцами, и лишь только тогда он об «является жеминном, ему разрешается сходиться с невестой в кино, но... с ними идет и мамыша.

— Какая чистота нравов, какая строгая мораль, какая патриархальность!—восликунул многие...

...Без мамыши девушка не может никуда идти, и она идет с ней, идет очень часто в «братства». Это очень итритов, если можно так выразиться, университетское заведение. Какая-то поmess на барз с публичным домом. Пол наблюдением мамыши «чистая» девушка аплирует наивнейшие балерны, лихо исполняющих «голый фокстрот», в полном смысле этого слова, конечно, в том виде...

Аргентина, Мадера, Англия, Африка, Уругвай, порт Фунгал, где жители развезают на санях по расклеванному песку—во многих самых неожиданных по своей разнообразности местах бывал «Товарищ». Десятками дней, с утра суток команда не сходила на берег, молодые моряки боролись со шторами, плылись в штиле, они проходили снежные берега и тропики. Они гордо несли по водам океана белоснежные советские парусы и ярко-красный советский флаг.